

Жена винодела

Автор:

Кристин Хармель

Жена винодела

Кристин Хармель

Три молодые женщины... две во Франции в мрачные дни немецкой оккупации, одна в сегодняшней Америке... и давняя тайна, которая их связывает, – в новой книге о любви и предательстве, прощении и искуплении автора всемирных бестселлеров «Забвение пахнет корицей» и «Жизнь, которая не стала моей» Кристин Хармель.

Кристин Хармель

Жена винодела

Copyright © 2019 by Kristin Harmel Lietz

Published in the Russian language by arrangement with Nova Littera SIA

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2021.

* * *

Джейсону и Ноа.

Вы снова и снова учите меня тому, что такое настоящая любовь.

...было бы недопустимо, даже невозможно, чтобы такое количество смертей и разрушений, такая жертвенность не привели человечество к всеобщему великому прогрессу[1 - Из выступления в парламенте Канады. Оттава, 11 июля 1944 г.].

Генерал Шарль де Голль, лидер французского Сопротивления. О значении Второй мировой войны

Глава 1

Май 1940

Инес

Дорога на юго-запад от Реймса, по которой мчалась Инес Шово, вилась над пышными виноградниками Шампани. Сверкающий черный ситроен взметал клубы пыли, а ветер яростно трепал каштановые волосы Инес. Стоял май, и лозы уже пробуждались, почки, как крошечные кулачки, тянулись к солнцу. Через несколько недель виноградники зацветут, и к сентябрю грозди – бледно-зеленого «шардоне», чернильного «пино-менье», подернутого сизым налетом «пино-нуар» – нальются и созреют.

Но увидит ли это Инес? А остальные? Она поежилась, тормозя на повороте к дому. Двигатель возмущенно зарычал. Мишель наверняка попрекнет ее, что опять она ездит слишком быстро, слишком опрометчиво, – сам он всегда такой осторожный.

Они поженились в прошлом июне, и с того момента Инес не могла вспомнить ни дня, когда бы Мишель ее в чем-нибудь мягко не упрекнул. Я, – говорил он, – просто присматриваю за тобой, Инес. Это то, что должен делать муж. В последнее время Мишеля все больше тревожили немцы, которые засели прямо за линией Мажино – сплошной цепью укреплений, выстроенной вдоль границы для защиты Франции от хаоса, охватившего остальную Европу. Мы, заставшие Великую войну, понимаем, что немцы – это серьезно, – повторял он каждый день, хотя ему было всего четыре, когда отгремели последние бои и немцы оставили департамент Марну, успев сровнять с землей большую часть города Реймс.

Инес, которая была моложе Мишеля на шесть лет, в 1918 году еще не родилась. Но отец много говорил о войне, особенно выпив, и при этом стучал кулаком по столу, так что Инес опасливо отходила в сторону.

Бошам верить нельзя! Никогда! – Инес до сих пор слышала его низкий, хрипловатый голос, хотя отец умер много лет назад. – Они прикидываются друзьями Франции, но верить им могут только дураки.

Нет, душой Инес не была. И теперь сообщит такую весть, которая переменит все. Ненадолго ее охватило легкое торжество, но, едва въехав в Виль-Домманж, она устыдилась своей мелочности: молчаливо возвышающаяся над деревней мрачная семисотлетняя часовня Сен-Лиэ, казалось, глядела с упреком. Ведь речь не о том, кто прав, а кто нет, – о войне. О смерти. О крови молодых парней, уже пропитавшей собой землю в лесах на северо-востоке. Обо всем, что предсказывал ее муж.

Инес проехала через ворота, резко затормозила перед двухэтажным каменным шато, выскочила из машины и помчалась к двери, ведущей в обширную сеть подземных погребов.

– Мишель! – закричала она, сбегая вниз по каменной лестнице. Сырой прохладный воздух плеснул ей в лицо, как вода из ведра. – Мишель! – Ее голос эхом отозвался в запутанном лабиринте коридоров, которые три четверти века назад проложил в меловой толще эксцентричный прадед ее мужа. Вдоль каждого лежали на боку тысячи бутылок шампанского, ожидая часа, когда бесчисленные пузырьки устремятся наверх.

– Инес? – откликнулся откуда-то из глубины встревоженный голос Мишеля. Послышались шаги, и из-за угла появился Мишель, а за ним Тео Лоран, chef de cave, главный винодел «Мезон-Шово». – Дорогая, что случилось? – Мишель бросился к Инес, положил руки ей на плечи, вглядываясь в лицо: – С тобой все в порядке, Инес?

– Нет. – Только сейчас она заметила, как тяжело дышит от тревожных новостей, быстрой езды и стремительного спуска в холодный подвал. – Нет, Мишель. Ничего не в порядке.

– Что случилось? – спросил он.

Тео, невозмутимый, как всегда, молча смотрел на Инес.

– Началось, – только и сумела она выговорить. – Вторжение, Мишель. Немцы идут!

В сыром воздухе повисла тяжелая тишина. Сколько времени пройдет, прежде чем тишину подвалов нарушит стук сапог, печатающих строевой шаг? Прежде чем все, что они построили, окажется под угрозой и, возможно, будет разрушено?

– Ну, что же, – сказал, наконец, Мишель. – Думаю, довольно прятать шампанское.

Глава 2

Июнь 2019

Лив

Левая кисть стала точно голая. Именно это ощущала Лив Кент, глядя на свой палец, на котором прежде, последние двенадцать лет красовалось обручальное кольцо. И хотя Лив сняла его три месяца назад, через пять недель после того, как Эрик объявил, что уходит и хотел бы поскорее завершить все формальности, но временами снова поражалась отсутствию предмета, который, как ей

казалось, будет при ней всегда. Впрочем, она так думала и о многих других вещах.

– Спасибо, что ты так сдержанно реагируешь, – сказал Эрик, внося в ее маленькую двухкомнатную квартирку последнюю коробку с их общими вещами.

Лив переехала сюда, расставшись с Эриком, и ей было странно, что он здесь, что помогает заполнить пространство, которое никогда не будет ему принадлежать. Одна ее часть хотела крикнуть ему, чтобы убирался вон, а другая, за которую было ужасно стыдно, – просить его остаться. Их брак распался настолько стремительно, что, казалось, земля разверзлась у нее под ногами.

– Сдержанно? – повторила она.

Взгляд Эрика блуждал по квартире, где Лив расставила их когда-то общую мебель, и задержался на выдавшем виды кожаном диване, который теперь утвердился на новом месте. Лив вспомнила, как они его покупали, и подумала, что Эрик тоже вспоминает, как они тогда поругались из-за его дороговизны, а потом вместе упали на новые твердокаменные подушки и помирились, потные и утонувшие друг в друге. Хотя с тем же успехом он мог думать, как здорово начать новую жизнь с чистого листа, без вещей из общего с Лив прошлого.

Эрик вновь посмотрел на Лив.

– Я просто хочу сказать, что знаю, как нелегко это тебе далось. – Он мрачно изобразил сочувствие, что вызвало у Лив раздражение, – все лучше, чем горе, которое бушевало внутри, как смерч, с самого утра, когда они подписали документы о разводе. – Мне правда жаль, что все так обернулось, Лив, но мы просто стремились к разному.

В ответ Лив сумела выдать лишь неопределенное «м-м-м».

– Я хочу для тебя только самого лучшего. Ты ведь это знаешь, да? Я всегда буду о тебе заботиться.

– Правда, чуть-чуть меньше, чем о себе, – не сдержалась Лив. – Или о своей новой подружке.

– Лив, не сердись. – Эрик вздохнул, поставил коробку на пол и отряхнул руки. – Мне хочется верить, что когда-нибудь мы даже сможем быть друзьями.

Лив фыркнула, и лоб Эрика собрался в раздраженные складки. Старательно подобранная сочувственная мина не продержалась и мига, открыв того человека, который за ней прятался, того, кто, что бы между ними ни случилось, неизменно винил в этом Лив. Она мечтала о ребенке, о счастливой семье, и Эрик, казалось, тоже этого хотел. Но через год с чем-то, после череды разочарований, у Лив обнаружили первичную недостаточность яичников. Они сделали три попытки ЭКО донорских яйцеклеток, а потом Эрик внезапно объявил, что с него хватит, – и попыток зачать ребенка, и вечно печальной Лив, и этого брака. Как выяснилось, он тогда уже встречался с двадцатичетырехлетней коллегой по имени Анемон. Они вместе работали в ресторанах Бергмана: Эрик менеджером, Анемон – помощницей по административным вопросам.

– Друзьями? – отозвалась Лив. – Ну, да. Может быть, назначим день и будем раз в неделю ужинать все втроем – ты, я и твоя подружка? Так уютно.

– Лив, понимаю, ты сердисься. Но Анемон не виновата, просто мы с тобой переросли друг друга. Все равно нам не судьба оставаться дальше вместе.

– А тебе судьба уйти к миллениалке-веганке, которую родители-хиппи назвали в честь медузы?

– На самом деле морские анемоны – это актинии, – поправил Эрик, стараясь не встречаться глазами с Лив. – Что тут скажешь? – Он с преувеличенной беспомощностью пожал плечами. – Она меня принимает.

– Принимает – а за кого? За ходячий штамп? За воплощение кризиса среднего возраста? За человека, которому и она когда-нибудь станет неудобна, как я сейчас? И тогда ты тоже пообещаешь о ней позаботиться?

Эрик вздохнул. В его глазах читалась жалость, и это еще больше злило Лив.

– Признайся честно, Лив. Разве ты еще любила меня, когда мы расстались?

Она не ответила. Как ему объяснить, что, если бы он дал ей шанс, она любила бы его вечно? Так, как поклялась в день свадьбы. Да, под конец ей в нем многое не нравилось, но Лив была готова переступить через себя, чтобы они снова стали единым целым, как когда-то. Ее родителям этого не удалось: отец умер, когда она была совсем маленькой, а мать с тех пор крутила роман за романом. Лив дала себе слово, что свою жизнь построит иначе, – но, быть может, мы обречены, даже сознавая ошибки предков, все равно их повторять.

На самом деле Эрик, похоже, прав. Они не пара. Может, никогда ею и не были. Пожалуй, для них и правда лучше расстаться и дальше каждому идти своей дорогой. Но Лив не покидало чувство, что Эрик предал ее именно тогда, когда она сильнее всего в нем нуждалась.

Молчание затянулось, и Эрик заговорил снова:

– Что ты собираешься делать? Думаешь вернуться на работу? Если нужно рекомендательное письмо, скажи, я сделаю.

Лив закусила губу, почти ненавидя его за этот жалостливый взгляд. Не сам ли он год назад предложил ей уволиться с поста вице-президента по маркетингу в «Бергмане», где они познакомились пятнадцатью годами раньше. Полтора десятилетия они работали бок о бок, параллельно поднимаясь по карьерной лестнице, он – как финансист, она – как маркетолог. Идеальная звездная пара. Была.

Послушай, – сказал он в прошлом июне, – после того как мы в третий раз сделаем ЭКО, может, тебе остаться дома и целиком сосредоточиться на этом? Ты ведь все равно захочешь взять отпуск по уходу за ребенком, когда он появится? Она согласилась, хоть и скрепя сердце, но теперь видела, что совершила ошибку. Эрик сделал первый шаг к тому, чтобы вытолкнуть ее за дверь ее собственной жизни. В итоге, когда все рухнуло, у нее не осталось ничего – ни ребенка, ни мужа, ни работы, ни сбережений. Ни единой опоры.

– Подумаю, – пробормотала она.

– Во всяком случае, у тебя есть бабушка. – Губы Эрика дернулись. – Она же тебе наверняка помогает, я прав?

– Она очень щедрая, – сухо сказала Лив. – И, думаю, понимает, что дала мне плохой совет.

Бабушка Эдит – эксцентричная богачка, мать ее отца, жившая в Париже, – настояла на брачном контракте для Лив, по условиям которого при расторжении брака ни один из супругов не имел прав на имущество, возникшее у другого. Целью этого, очевидно, было помешать Эрику в будущем завладеть наследством Лив, но, поскольку бабушка Эдит находилась в добром здравии, а доходы Эрика исчислялись шестизначными цифрами, в то время как Лив сидела без работы, документ теперь казался безумной ошибкой. По крайней мере, бабушка Эдит предложила внучке заплатить за квартиру, пока та будет разбираться, как ей жить дальше, но Эрику не следовало лишний раз об этом упоминать – Лив и так чувствовала себя виноватой, что взяла деньги.

– А тогда была совершенно уверена, что так и надо. – Эрик хмыкнул. – Ладно, Лив, мне пора назад в офис. Но если тебе что-нибудь понадобится, дай знать, ладно? Думаю, мы еще увидимся.

Он не ждал ответа и вышел не оглянувшись. Закрывая за ним дверь, Лив почувствовала, что наконец закрывает за собой прошлое и делает шаг в неизвестность.

Спустя час Лив все-таки набралась смелости, чтобы открыть последнюю из коробок, привезенных Эриком. Когда она разрежала ленту, подняла клапаны и поняла, что? там, это было как удар под дых. Внутри лежал их свадебный альбом и две коробки из-под обуви, заполненные фотографиями из их совместной жизни, – фотографиями, которые для Эрика, очевидно, больше ничего не значили. Она пролистала верхние – медовый месяц, пляж на Мауи, они с Эриком, сияющие, с коктейлями в кокосовых скорлупках в руках, смотрят друг на друга, – и, сунув их обратно в коробку, отошла прочь, как будто само нахождение рядом с этими снимками было мучительно.

И тут раздался резкий стук в дверь. Лив подняла голову. Она никого не ожидала, а свой новый адрес дала очень немногим. Все ее друзья тоже работали в «Бергмане» и, после того как она в прошлом году уволилась, перестали выходить на связь. Что дополнительно усилило у Лив ощущение, что она вычеркнута из собственной жизни. Неужели Эрик вернулся, чтобы избавиться от еще одной коробки воспоминаний? Лив решила не подходить к двери, не хотелось снова с ним встречаться, но стук повторился, еще громче и

настойчивее.

Когда она встала и заглянула в глазок, то пришлось несколько раз сморгнуть. В тускло освещенном холле стояла ее бодренькая девяностодевятiletняя бабушка с тщательно уложенными в пучок белоснежными волосами, в элегантном сером твидовом жакете от Шанель и безупречно отутюженных черных брюках.

- Бабушка Эдит? - Все еще не веря своим глазам, Лив открыла дверь.

- Что такое, Оливия, что я вижу! - Старуха поджала губы, ее тонкие брови нахмурились. - Право, как ты одеваешься без моего присмотра? - Колкость, завернутая в бабушкин мягкий французский акцент, прозвучала почти как комплимент. - Неужели я ничему тебя не научила?

- Э-э, ты так неожиданно. - Лив покосилась на свои рваные джинсы и заношенный свитшот, в которые она переделалась после ухода Эрика: идеальная одежда, чтобы хандрить в одиночестве. - Я должна была тебя ждать?

- Так я же здесь, верно?

- Но... что ты делаешь в Нью-Йорке?

Последний раз Лив разговаривала с бабушкой Эдит всего три дня назад: бабушка настоятельно требовала сообщить ей, какого числа они расторгнут брак, но ни словом не обмолвилась, что едет в Нью-Йорк. Хотя трансатлантический перелет, особенно учитывая бабушкин возраст, определенно заслуживал хотя бы упоминания.

- Я приехала за тобой, разумеется. Ты собираешься меня впустить? Мне до смерти хочется мартини. И не смей говорить, что у тебя кончился джин, - или ты мне больше не внучка.

- Ну нет, - сказала Лив. - То есть да. У меня есть джин. - Она осторожно посторонилась, пропуская бабушку, и та величаво прошествовала в квартиру. Отчего они с ней никогда не обнимутся, как нормальные люди?

– D'accord[2 - Ладно (фр.)], – бросила бабушка через плечо. – А оливки с голубым сыром найдутся?

Лив прошла за ней внутрь, заперла дверь и только тогда заметила, что у бабушки при себе только знакомая сумка «Келли».

– Бабушка Эдит, а где твой багаж?

– Или, в крайнем случае, оливки с чесноком. – Вопрос Лив остался без ответа.

– Э-э, по-моему, у меня только обычные.

Бабушка Эдит поворчала, устраиваясь на диване в гостиной Лив, но, похоже, смирилась, и Лив молча приготовила напиток. Это была ее обязанность с девяти лет. Влить изрядную дозу джина, плеснуть чуть-чуть сухого вермута, добавить несколько капель рассола из-под оливок, встряхнуть со льдом и процедить.

– Оливия, – заметила вместо благодарности бабушка Эдит, получая свой мартини, – тебе следовало предварительно охладить бокал. – А сама не выпьешь?

– Сейчас два часа дня, бабушка. И я все еще пытаюсь сообразить, что ты здесь делаешь.

– Что ты, правда, такая взвинченная? – Бабушка покачала головой и сделала долгий глоток. – Но так и быть. Если тебе непременно надо знать, то я здесь потому, что сегодня – день, в который ты официально освободилась от этого невыносимого salaud[3 - Ублюдка (фр.)]. Мне очень неприятно это говорить, но...

– Так ты приехала позлорадствовать?

Бабушка Эдит сделала еще глоток мартини, и Лив заметила, что бабушкина рука дрожит.

– Ни в коем случае. Я приехала, чтобы помочь тебе упаковать чемоданы.

– Чемоданы?

С театральным вздохом бабушка поднялась с дивана и кивком головы указала Лив на спальню.

- Давай же, мы уже опаздываем.

- Куда опаздываем?

- На наш рейс.

Лив оторопело уставилась на нее.

- Хватит страдать, Оливия. Наш самолет вылетает через четыре с половиной часа, а ты ведь знаешь службу безопасности в аэропорту Кеннеди.

- Бабушка Эдит, о чем ты?

- Поспеши, дорогая. - Бабушка Эдит, закатив глаза, допила остаток мартини. - Конечно же, мы летим в Париж.

Глава 3

Май 1940

Инес

В подземельях поместья Шово было темно и сыро. Кирпичные стены с арочными сводами, врезанные в мягкий мел и известняк, впитывали влагу с тех самых пор, как прадед Мишеля начал строить их семь десятилетий назад, и создавали идеальный микроклимат для дремлющих в нем, созревая до подлинного великолепия, бутылок с шампанским.

Историю поместья Мишель поведал Инес полтора года назад, когда только начал за ней ухаживать. Шово были vigneronns, виноградарями с шестнадцатого

века, но только в начале 1800-х годов предки Мишеля стали подумывать о том, чтобы производить собственное вино. Крупные винодельни в соседних Реймсе и Эперне и в коммуне Аи делали на шампанском целые состояния, а сами виноградары жили в бедности, как соседские крестьяне.

В 1839 году прапрадед Мишеля женился на дочери текстильного магната, и у него наконец-то появились деньги на покупку оборудования и расходных материалов. Но дело продвигалось медленно и почти застыло, когда эксцентричным прадедом Мишеля овладела идея проложить под поместьем сеть погребов-туннелей, способную соперничать с крайерами – меловыми подземельями великих домов Реймса. Туннели, которые он строил начиная с 1870-х годов, образовали такую извилистую и сложную сеть, что в первую свою неделю в «Мезон-Шово» Инес там заблудилась и провела под землей несколько ужасных часов. Когда Мишель нашел ее, уже совсем стемнело.

– Погреб тянется на много километров, и в них легко заблудиться, – сказал он всхлипывающей Инес, выводя ее на вечерний воздух. – Не волнуйся, дорогая. Ты всему научишься.

Сам Мишель, конечно, знал все хитросплетения этого лабиринта назубок. Мальчиком он играл в извилистых коридорах в прятки, вырезал свое имя на меловых участках стен рядом с именами предков, а во время Великой войны вместе со старшими находил под землей убежище от рвавшихся наверху снарядов.

А Инес и через год после того жуткого случая чувствовала себя неуютно в темных безмолвных подземельях, где, словно тихие маленькие гробики, лежали, тесно прижатые друг к другу, бутылки с созревающим вином. Она так и не привыкла к холоду, царящему тут независимо от времени года, а завывание ветра, которое иногда слышалось у главного входа, наводило на мысли о призраках и волках из сказок.

Сказка, как же. Инес остановилась потереть плечи – в них пульсировала боль. В ноябре 1938 года, когда они познакомились с Мишелем, обоим казалось, что они идеально подходят друг другу: он был очарован ее юностью и оптимизмом, она восхищалась его основательностью, рассудительностью и тем, что он делает шампанское, известное всей Франции. Прямо сказочные принц и принцесса. Кто бы мог подумать, что всего через семнадцать месяцев ей придется надеть рабочие сапоги и перетаскивать двадцатикилограммовые ящики с бутылками в

тайник для самых ценных вин, который оборудовали во время Великой войны родители Мишеля?

Замаскирован тайник был великолепно. В сентябре, вскоре после того, как Франция объявила войну гитлеровской Германии, Мишель показал это место Инес, и у нее прямо-таки челюсть отвисла: сама бы она ни за что не догадалась, что за сплошной стеной скрыто огромное подземное помещение. Потайная дверь поворачивалась на петлях, спрятанных между кирпичами, и, когда она была закрыта, кладка выглядела так, как будто никто ее не трогал десятки лет, с самого момента постройки. Как и старинная с виду статуя Мадонны перед дверью – на самом деле изготовленная по специальному заказу и легко отодвигавшаяся. Инес сама двигала статую с утра и теперь в одиночку таскала ящики по холодным коридорам.

Руки и спина разболелись, вокруг не было ни души, и Инес вдруг охватили тяжелые предчувствия. Как-то бурной январской ночью, когда они лежали вместе в постели, а ветер за окнами хлестал виноградные лозы, Мишель вдруг сказал, что 1940 год будет для Шампани ужасным, – виноград не уродится, и страшная тень падет на весь регион. Тогда Инес решила, что он просто пессимист, но теперь, когда немцы перешли французскую границу, ей думалось, что он, как всегда, оказался прав. Она очень уважала интеллект Мишеля, но порой безошибочность его выводов буквально душила ее, не оставляя места для собственных мыслей и мнений.

Со стороны главного входа – узкой каменной лестницы, которая начиналась от деревянной двери, врезанной в каменную стену позади дома, где жили Мишель и Инес, – послышался женский голос.

– Инес? Ты здесь? – Инес на мгновение закрыла глаза. Это была Селин, жена chef de cave Тео Лорана. – Мишель сказал, что тебе может понадобиться помощь.

– Да, я здесь! – как можно дружелюбнее крикнула в ответ Инес и принялась чесать левую руку. Это была детская привычка, от которой мать пыталась ее отучить: чесаться некультурно и неженственно, а красные следы от ногтей выглядят просто неприлично. Но Инес все равно не могла удержаться, когда сильно нервничала. – Возвращаюсь в погреб, где у нас двадцать восьмой год остался.

– C'est bon[4 - Отлично (фр.)]. Пошла туда же. – Послышались удаляющиеся тяжелые шаги: Селин забросила свои туфли еще осенью, когда мужчин Марны призвали в армию, и теперь почти постоянно ходила в рабочих сапогах. Рядом с ней, сильной и уверенной, Инес чувствовала себя неопытной маленькой девочкой, хотя была младше всего на год.

Инес старалась как могла, но, не имея сноровки Селин, то и дело попадала впросак. У нее не было ни дегустаторских способностей, хоть она и пыталась развить свой вкус, ни навыков розлива купажированных вин, ни точности движений и твердости руки, необходимых при обращении с бутылками. Она подозревала, что другие считают ее просто-напросто ленивой, а дело было в нерешительности и неуверенности. Каждый раз, разбив бутылку, Инес теряла толику уверенности и ощущала себя еще более никчемной.

Ирония судьбы, но совсем недавно Мишель сам не хотел, чтобы она работала. Предлагая ей руку и сердце полтора года назад, он сказал, что станет о ней заботиться, а ей ничего не придется делать.

– Но пойми, – пыталась объяснить Инес, – я буду рада помогать.

– Теперь заботиться о тебе – мой долг, – ответил Мишель, нежно обхватив ладонью ее подбородок и глядя ей в глаза. – Тебе не нужно работать.

– Но...

Мишель не дал ей договорить:

– Пожалуйста, дорогая, позволь мне сделать так. Мой отец никогда не просил мать участвовать в производстве шампанского, и я точно так же не хочу просить тебя. Ты будешь хозяйкой дома.

Но в сентябре была объявлена война, работников призвали на фронт и настроение Мишеля стало постепенно меняться. Сначала он, бормоча извинения, поручал Инес разные мелочи, на что она всякий раз давала понять, что все в порядке, она готова помочь. По мере того как осень сменялась зимой, нехватка работников сказывалась все сильнее, и Мишель все чаще умолял жену взять на себя очередные обязанности. Инес старалась изо всех сил, но многого не умела, а чтобы научиться, требовалось время. И чем дальше, тем отчетливее

чувствовала растущее разочарование мужа.

Из-за угла показалась Селин, и Инес изобразила улыбку. Даже в линялых брюках и заляпанных грязью сапогах Селин выглядела великолепно. Глупо, но Инес это почему-то раздражало. Присмотревшись, она заметила, несмотря на темноту, что глаза у Селин покраснели.

– С вами все в порядке? – спросила Инес.

Селин поспешно наклонила голову, спрятав лицо за завесой длинных каштановых волос.

– Да, просто замечательно.

– Вы плакали. – Инес знала, что это звучит бестактно, но ведь нечестно делать вид, что все в порядке, когда мир буквально рушится. За год, что Инес была замужем за Мишелем, женщины так и не подружались, хотя Инес и пыталась. С лица Селин, спокойной и серьезной, не сходило хмурое выражение, а Инес во всем искала светлую сторону. Через месяц после переезда в «Мезон-Шово» она услышала, как Селин шепнула Тео, до чего ее допекает вечная и безосновательная жизнерадостность Инес. После этого по крайней мере стало понятно, почему Селин кидает на нее такие сердитые взгляды.

Селин прерывисто вздохнула:

– Да, да, Инес, я беспокоюсь о своих родных.

– О, – Инес растерялась. – Но, мне кажется, с ними все обойдется. Я уверена, что немцы не тронут мирных жителей.

Из горла Селин вырвался странный звук, не то смех, не то рыдание.

– Инес, неужели вы забыли, что они евреи?

– Да, да, конечно. – Честно говоря, Инес об этом не слишком задумывалась. Несколько раз за последние месяцы тема всплывала в разговорах, когда приходили новости об облавах на евреев в Германии, но не более того. Инес

знала, что отец Селин – из еврейской семьи, мать, умершая два года назад, – католичка, а религиозным воспитанием дочери они особо не занимались. – Но не надо так тревожиться. В конце концов, это Франция.

Селин долго молчала, но, когда Инес уже решила, что ответа не будет, сказала:

– Вы правда думаете, что под властью немцев это будет хоть что-то значить?

Ну зачем смотреть на все как на конец света? Инес закусила губу, потом уверенно произнесла:

– До сих пор в новостях еще не было ни слова о том, что здесь что-то происходит с евреями. Увидите, все обойдется.

– Верно, – коротко ответила Селин и отвернулась.

Инес посмотрела, как она нагибается, поднимает с пола ящик шампанского 1928 года и, тяжело ступая, уходит с ним по коридору в сторону тайника, взяла свой ящик и поспешила за ней. Мышцы жгло от непривычной нагрузки.

– Вы ведь из-под Дижона?

– Да, из Нью-Сен-Жоржа, это совсем рядом, почти строго на юг.

– Значит, ваши отец и его родители дальше от немцев, чем мы. – Инес помнила, что Дижон примерно на триста километров южнее Шампани. – И, может быть, они уже движутся на юг. – Мишель недавно рассказывал, что тысячи беженцев запрудили дороги, спасаясь от приближающихся немцев.

– Нет. – Селин, не глядя на Инес, поставила ящик на каменный пол тайника. – Отец управляет винодельней, а почти всех работников услали на фронт, и он понял, что не может бросить хозяина, который всегда очень хорошо к нему относился. Дед с бабкой решили остаться с ним.

– Наверняка все обойдется.

– Наверняка обойдется, – повторила Селин, но в ее интонации слышались горечь и страх, поэтому Инес замолчала и вернулась к бутылкам.

Она и сама беспокоилась бы о своих родственниках, если бы не осиротела в шестнадцать лет: отец умер от инсульта, а спустя два месяца от сердечного приступа скончалась мать. Ни братьев и сестер, ни другой родни у Инес не было; она оказалась совершенно одна. К счастью, девочку взяла к себе семья ее закадычной подруги Эдит, и она вновь обрела дом, а в начале 1938 года покинула родной Лилль, где больше ничто ее не держало, и последовала за Эдит в Шампань.

Эдит тогда влюбилась в молодого ресторатора по имени Эдуар Тьерри, который унаследовал семейную брассери в Реймсе. Инес, опечаленная неизбежным, как ей казалось, расставанием с Эдит, негодовала на Эдуара, но Эдуар после скромной свадебной церемонии под барочным куполом церкви Сент-Мари-Мадлен в Старом Лилле, когда она вытирала слезы, предложил ей переехать и поселиться вместе с ним и Эдит в его большой квартире, расположенной прямо над ресторанным залом. Вы, – торжественно произнес он, – ее лучшая подруга. Конечно, оставайтесь с нами сколько пожелаете.

Инес была поражена и тронута до глубины души. Поначалу ей не верилось, что Эдуар действительно хочет видеть ее в своем доме, но он показал себя исключительно радушным хозяином, старался со всеми перезнакомить, а иногда даже спрашивал ее мнения о политике. Время от времени Инес помогала Эдуару за стойкой, так что у нее появился и небольшой заработок. А когда холодным осенним вечером 1938 года Эдуар пригласил отобедать у них своего давнего друга Мишеля Шово, объявив, что он очень подходящий холостяк, Инес показалось, это судьба.

– Ой, Мишель такой красавец! – воскликнула, хлопая в ладоши, Эдит, когда Эдуар пошел проводить гостя и женщины остались вдвоем. – Правда, Инес?

Инес улыбнулась, ее сердце все еще трепетало:

– Ты заметила, какие у него глаза?

Глаза у Мишеля были пронзительно-синие, такие, что видят тебя насквозь. Он был высокий, плотный, светловолосый, с резкими чертами лица; чуть

старомодный костюм сидел на нем великолепно.

– Глаза? – Эдит рассмеялась. – Я, дорогая моя подруга, заметила только одно: что весь вечер эти глаза смотрели только на тебя. Да и как он мог устоять? Ты же красавица! – Эдит обладала даром вселять оптимизм. Когда подруге бывало плохо, она всегда находила способ поднять настроение. – И он владелец «Мезон-Шово», представляешь? – При этих словах Эдит многозначительно подняла брови.

– А держался так скромно, – сказала Инес. Мишель принес с собой три бутылки шампанского во льду из винограда трех разных сортов с собственных виноградников, но деликатно отклонял все вопросы Инес о его винодельческой империи и всякий раз переводил разговор на нее саму. Расспрашивал ее о жизни в Лилле, о дружбе с Эдит, интересовался, успела ли она уже попутешествовать по Шампани.

Позже подруги пришли к выводу, что Мишель таким способом просил Инес о свидании. Он, как и Эдуар, был на несколько лет старше Эдит и Инес и тоже намного серьезнее. Инес объясняла это тем, что обоим мужчинам пришлось рано, в возрасте чуть за двадцать, принять семейное дело, а с ним – ответственность, размер которой она с трудом могла представить.

– Я пока ни разу не выезжала из Реймса, – ответила она Мишелю, – и с удовольствием взглянула бы на окрестности.

– Правда? – Мишель улыбнулся, и внутри у Инес все затрепетало. На следующей неделе он позвонил, а к весне они были помолвлены и в начале мая поженились. Причин медлить не было: у Мишеля, как и у Инес, не оставалось в живых никого из близких родственников.

Дальнейшая жизнь рисовалась Инес лучезарной. Она – молодая жена владельца престижного дома шампанских вин! Ей предстоит жить среди холмов, покрытых виноградниками, и каждый вечер пить игристое вино!

Однако действительность оказалась иной. После того как свадьба была сыграна, супруги редко выбирались в Реймс. Живописный пейзаж довольно скоро сделался для Инес обыденным, да и бутылка, которую они регулярно откупоривали к ужину, перестала ощущаться как праздник.

Но хуже всего было то, что, уехав из Реймса, Инес лишилась возможности ежедневно болтать с Эдит или даже участвовать в беседах с Эдуаром. Мишель даже во время своего недолгого ухода за ней не отличался большой разговорчивостью, а сейчас сделался еще серьезнее и еще глубже погрузился в дела. Зачастую их совместные трапезы проходили в полном молчании, потому что Мишель размышлял о производственном графике или отношениях с владельцами виноградников, а обсуждать эти вопросы с Инес категорически не хотел.

Инес надеялась, что они с Мишелем будут ездить в Реймс в гости к друзьям, но, хотя город находился от Виль-Домманжа в каких-нибудь сорока минутах езды на автомобиле, он с таким же успехом мог находиться в другой стране. Большую часть дней Мишель был занят от зари до зари, а отпускать Инес одну на машине не любил. По сути, она оказалась заперта в доме, который не ощущала своим.

Конечно, уже при первом посещении «Мезон-Шово» Инес познакомилась с могучим темноволосым Тео и его женой, элегантной и сильной Селин, но подружиться с ними, как она надеялась, ей не удалось. Тео, погруженный в работу, мог вообще не показываться неделями, а Селин была такой же серьезной и немногословной, как Мишель. И при попытках Инес поделиться с ней новостями или сплетнями из города еще больше замыкалась.

Теперь, когда на горизонте гроыхала война, Инес особенно остро ощущала свою оторванность от всех. В глубине погребов ей и Селин следовало бы поделиться друг с другом своими страхами перед надвигающимся будущим. Но женщины работали молча: тишину нарушали только их шаги да тихий звук, с которым ящики опускались на новое место.

Глава 4

Июнь 1940

Селин

Через несколько дней после того, как немцы полностью оккупировали Шампань, утром в пятницу Тео с пылающим лицом вбежал во флигель, где жил вместе с Селин.

- Добрались-таки до Виль-Домманжа, - выпалил он. - Немцы. Быстро.

Селин охватил страх. Она понимала, что рано или поздно это произойдет, что немцы, вторгшиеся меньше недели назад, успели уже отметить грабежами в нескольких окрестных городах, но простодушно надеялась, вдруг их деревеньку не заметят. Глупо, конечно, - завоевателей не могли не привлекать темные погребки под холмами, хранящие бесчисленное множество бутылок с прекрасным шампанским. А что, если они явились не только за вином? Вдруг им известно, что Селин наполовину еврейка?

- Мне спрятаться?

- Они не за тобой, - коротко бросил Тео, и его темные брови сдвинулись к переносице. - Такое сейчас во всех винодельнях. Они не тронут нас, пока мы будем делать, как они скажут. Пошли, Селин, нас зовет Мишель.

Селин не могла ответить «нет» - слишком многим они с Тео были обязаны Мишелю. Четыре года назад, когда Тео, только что женившийся на Селин в Нюи-Сен-Жорже, предложил услуги главного винодела в «Мезон-Шово», несколько крупных производителей в Реймсе уже отказали ему из-за того, что он учился своему делу не в Шампани, а в Бургундии. А Мишеля «родословная» не волновала. - Я вижу, - сказал он, изучив рекомендации Тео и проведя с ним несколько сеансов дегустации и купажирования, - что вы опытный винодел и сотрудничество с вами сделало бы честь любому дому.

И Тео был принят. Мишель предложил ему в счет зарплаты поселиться вместе с Селин в домике его предшественника, всего в сорока пяти метрах справа от главного дома. Тео согласился, а новый хозяин и дальше осыпал супругов Лоран немислимыми щедротами. Он относился к ним как к членам своей семьи, нередко приглашая их на воскресные обеды и даже на праздничные торжества в большом главном доме. Какое-то время Мишель и Тео были почти как братья, но с сентября, с объявления войны, Селин стала замечать, что они постепенно отдаляются друг от друга. Тео пытался делать вид, что ничего не происходит, а Мишель был полон решимости смотреть в глаза будущему, пусть даже

пугающему и неопределенному. Селин никогда не сказала бы этого вслух, но понимала, насколько Мишель прав, а ее муж недальновиден.

С колотящимся сердцем и липкими от пота ладонями Селин пригладила волосы и заставила себя улыбнуться. Она собиралась отправиться вместе с Тео на один из ближних виноградников осматривать ранние почки и уже оделась по-рабочему – в сапоги, саржевые брюки и белую хлопчатобумажную блузку на пуговицах. Но виноградник, очевидно, откладывался.

– Очень хорошо, – сказала она Тео. – Идем.

Тео схватил ее за руку, слишком сильно сжав пальцы, и потянул за собой на улицу. По дороге, меньше чем в километре от них, двигался, приближаясь, небольшой караван военных грузовиков, окутанных клубами пыли. В дневной тишине нарастал шум моторов – низкое, монотонное гудение, не сулящее ничего хорошего.

– Merde[5 - Дерьмо (фр.)], – пробормотал Тео. – Быстрее, чем я рассчитывал.

И оба ринулись в главный дом. Дверь была уже открыта, прямо за ней стояли с побледневшими лицами Мишель и Инес.

– Что нам делать? – проговорила Инес, как только Тео и Селин перешагнули порог. Непричесанная, с растрепавшимися непокорными каштановыми волосами, посреди полной сумятицы, она умудрялась оставаться такой же хорошенькой и изящной в своих черных босоножках на высоком каблуке и длинном голубом платье с высокой талией. – Надо что-то делать! – Инес посмотрела на Тео, на Селин, снова на Мишеля. Прижала ладони к щекам, убрала, провела ногтями от запястья до локтя по одной и по другой руке, как будто не знала, чем их занять.

– Подождем, – ответил Мишель и закрыл дверь. В просторной полутемной прихожей стало тихо. – Подождем и посмотрим, что им нужно.

Не прошло и минуты, как снаружи раздался визг тормозов и резкие мужские голоса вперемешку с грубым хохотом. Затем в дверь громко застучали.

– Спокойно, – напомнил Мишель остальным и распахнул дверь навстречу незванным гостям. Со своего места Селин видела троих стоящих на ступеньках немцев – все в полном обмундировании, двое с автоматами, – а позади них еще полдюжины. Все молодые, лет двадцати с небольшим, за исключением широкоплечего мужчины впереди – тому было на вид под сорок. Его рука застыла над кобурой с пистолетом, висевшей на бедре.

– Здравствуйте, – спокойно сказал Мишель, как будто каждый день впускал в дом оккупантов. – Чем мы можем вам помочь?

– Помочь? – фыркнул немец постарше. – Вы поможете нам, если покажете вход в ваши погреба с шампанским.

Мишель ответил не сразу, и те несколько секунд, которые длилась пауза, Селин рассматривала мужчину. Он был высок, темноволос, с усиками карандашом, маленькими глазками и изящными, почти благородными чертами лица, принявшего сейчас насмешливое выражение. На форменном кителе защитного цвета с жестким черным воротничком сияли бронзовые пуговицы, медали и нацистские знаки отличия, талию охватывал коричневый кожаный пояс, а из-под серых брюк выглядывали начищенные до зеркального блеска черные сапоги. Несмотря на утреннюю жару, нигде не было ни складочки. Офицер, поняла Селин, он командует остальными. Его чистое французское произношение выдавало определенный уровень образования и воспитания.

– Разумеется, – по-прежнему спокойно ответил Мишель. – Могу я поинтересоваться, что именно вы ищете?

– Не можете.

Мишель и Тео переглянулись, после чего Мишель отступил, пропуская солдат, будто почетных гостей, и повел их через дом к задней двери. Только тут Селин сообразила, что ведущая в погреба дополнительная лесенка, устроенная прадедом Мишеля прямо в кухне, загорожена большим шкафом. Значит, Мишель с Тео, который шел в нескольких шагах позади, направляются к главному входу – высокой резной деревянной двери, вделанной в каменную стену между садом при доме и виноградниками. Оборудуя подземные туннели, способные соперничать с хранилищами крупнейших домов шампанских вин, прапрадед Мишеля постарался придать входу в них максимально внушительный вид.

Мишель оглянулась на Инес и Селин.

– Оставайтесь здесь.

Но офицер твердой рукой взял его за предплечье, тоже посмотрел на женщин и улыбнулся. В этой холодной улыбке Селин почудилось что-то волчье, пробирающее морозом до костей.

– Нет, – сказал немец. – Женщины пойдут с нами.

Инес схватила Селин за руку, переплетя свои детские пальчики с ее, более длинными и тонкими; Селин не сопротивлялась. Вдвоем они прошли вслед за мужьями сквозь массивную дверь и, стуча каблуками, спустились по узким ступеням; звук их торопливых шагов напоминал дробь дятла. Оказавшись в первом подвале, заполненном бутылками, один из солдат присвистнул от восхищения, а другой подтолкнул его сзади и сказал по-немецки:

– Пошли скорее, это все ерунда по сравнению с «Вдовой Клико-Понсарден».

Селин знала немецкий от матери, выросшей близ германской границы, но виду не подавала. Пусть немцы думают, что она их не понимает: хоть небольшое, но преимущество.

– Ну, – спросил офицер, подозрительно осматриваясь, – где у вас здесь тысяча девятьсот двадцать восьмой? А тридцать четвертый?

– У нас от каждого урожая осталось лишь по сотне с чем-то бутылок. – Мишель выдержал взгляд офицера. – Следуйте за мной, я покажу.

Офицер сощурился, но ничего не возразил, и Мишель повел отряд дальше по главному проходу. В одном из подвалов слева он, как помнила Селин, нарочно оставил несколько стеллажей с лучшими винами: полное отсутствие выглядело бы подозрительно, а малое количество можно объяснить тем, что основной запас распродан.

– Вот, – Мишель показал рукой в сторону хранилища. – Прямо на полу, с правой стороны.

– Гм. – Офицер сделал знак одному из солдат, приподнял вместе с ним секцию и наугад вытащил бутылку. В ней действительно было ценнейшее коллекционное шампанское 1928 года; ее родные сестры тихо лежали позади статуи Девы Марии, приютившейся в стенной нише. – Где остальное? – Рука офицера вновь угрожающе зависла над пистолетом, он пристально смотрел на Мишеля.

– Почти все распродано. Вы же знаете, двадцать восьмой год был очень хорошим, высокий спрос. И тридцать четвертый тоже. – Брови Мишеля сдвинулись. Селин и не подозревала, что он так замечательно умеет играть. – Пожалуйста. Забирайте все, что у нас есть. Я не стану спорить.

Офицер сделал знак паре своих солдат, и те принялись вынимать бутылки.

– Достаточно. Теперь ступайте.

– Да-да, конечно. – Мишель взял за руку Инес и заспешил назад к лестнице. Селин и Тео последовали за ними. В полном молчании все четверо поднялись наверх, пересекли сад, прошли в кухню главного дома. А как только они оказались там, Инес громко возмутилась:

– Мишель, ты практически поблагодарил их за грабеж!

– Инес, – устало возразил Мишель, – а что еще я мог сделать? Повсюду бесчинства. Мы должны как-то планировать будущее, а если они подумают, что мы что-то прячем, то просто-напросто взорвут наши погреба.

– Но разве обязательно было так им... покоряться? – Негодующий голос Инес звенел на октаву выше обычного. – Это наша собственность!

– Инес! – Прежде Селин не слышала, чтобы Мишель повышал на кого-то голос. Он взъерошил пальцами волосы, а Инес смотрела на него глазами раненой зайчихи. – Дорогая, – это прозвучало несколько спокойнее, – сегодняшней визит был самым опасным. Сейчас период анархии, уже через несколько дней немецкие власти станут контролировать своих людей. Нам просто надо каким-то образом пережить это время.

Инес уже раскрыла рот, чтобы возразить, но ее перебил мужской голос:

– Похоже, вы, французы, умнее, чем кажетесь.

Все оглянулись. В дверном проеме стоял немецкий офицер, от сигареты в его руке лентой вился дымок, отчетливо вырисовывавшийся на фоне яркого солнца. – Ваше дело одно – подчиняться. Verstanden?[б - Понятно? (нем.)]

Никто не ответил, пауза затягивалась. В конце концов Селин решила и сказала за всех:

– Да, господин офицер, нам все ясно. Мы не доставим вам беспокойства.

Офицер слегка улыбнулся, и выражение его лица показалось Селин еще более угрожающим и зловещим. Хотя, возможно, ей просто стало неприятно от того, как он ее рассматривал, – словно только что заметил. Взгляд офицера задержался на верхней пуговице блузки, – Селин чуть не вздрогнула, и ей захотелось сжаться в комочек, – потом вновь скользнул на лицо.

– Рад это слышать.

Селин с трудом сглотнула, а офицер обратился к Мишелю.

– Что у вас в том домике? – он показал на флигель, где жили Тео и Селин. – Мои люди желают его осмотреть.

Спустя час оба дома были опустошены, а из погребов вынесены десятки ящиков лучшего шампанского «Мезон-Шово». По настоянию Мишеля никто не пытался протестовать, когда солдаты вытаскивали мебель, снимали со стен старинные ковры, забирали из кладовых хлеб, банки с вареньем, жестянки с кофе. Они хватали все – кресла, одеяла, матрасы, – вытащили даже дедовские напольные часы, больше сотни лет стоявшие в гостиной. Куча награбленного громоздилась перед главным крыльцом прямо на клумбе с красными пионами, за которыми Инес упрямо продолжала ухаживать, как ни убеждал ее Мишель отвести всю пригодную почву под огороды. Теперь это вряд ли имело значение.

На самом верху Селин заметила потертое стеганое одеяло, которое сшила ей мать к их с Тео свадьбе, и внезапно ощутила ярость. Зачем оно солдатам – ведь ночи в середине июня теплые? Нет, они грабят ради грабежа. Селин сморгнула

слезы; она понимала, что потеря мебели и консервов, которые помогли бы им продержаться зиму, должны огорчать ее сильнее, но одеяло было едва ли не последним, что осталось у нее на память от матери.

Наконец солдаты, забрав все мало-мальски ценное из дома и флигеля, приступили к погрузке. Офицер в это время прохаживался перед машинами, заложив за пояс большие пальцы рук.

– Когда нам понадобится еще шампанское, мы снова приедем. – На усах у него виднелись прилипшие крошки, а на правой стороне подбородка – пятно от желе. – Все, что у вас есть, теперь принадлежит Германии.

Мишель, кашлянув, плотно сжал губы. Офицер внимательно посмотрел на него и добавил с угрозой в голосе:

– Wir werden uns wiedersehen.

Никто ему не ответил. Офицера, казалось, веселило, что его не понимают. Селин снова постаралась не выдать себя. Взгляд офицера опять остановился на ней и задержался так надолго, что она почувствовала, как напрягся рядом с ней Тео, но ей удалось ни разу не сморгнуть и не дернуться до тех пор, пока немец не повернулся на каблуках и не зашагал прочь.

Потом солдаты, так же быстро, как приехали, забрались в свои грузовики, куда перед тем уложили добычу, и укатили с гиканьем и воплями. Когда все наконец смолкло и караван пропал из вида, Инес закричала, почти в истерике:

– Что он сказал? – Наступившая тишина была гнетущей и зловещей. – Кто-нибудь знает, что он сказал?

– Сказал, что мы еще встретимся, – ответила Селин. Впрочем, чтобы понять, что имел в виду офицер, перевода не требовалось, – угроза в его словах слышалась слишком отчетливо. Селин чувствовала, как даже под жарким солнцем Шампани кровь у нее леденеет в жилах.

Июнь 2019

Лив

– Тебе необходимо это прекратить, – сказала бабушка Эдит.

Лив повернулась в изумлении. Она смотрела в иллюминатор на темное небо над Атлантикой, пытаясь понять, когда над восточным горизонтом покажутся первые лучи рассвета, и не подозревала, что бабушка перевела спинку своего кресла в вертикальное положение и в приглушенном свете салона первого класса пристально рассматривает внучку. Уже несколько часов они летели рейсом «Дельты», но Лив так и не уснула, хотя шикарное кресло, раскладывающееся в полноценную кровать, оказалось даже удобнее, чем она предполагала.

– Я не знала, что ты тоже не спишь. – Лив положила ладонь на бабушкину руку – холодную, покрытую гусиной кожей, – и машинально потянулась за одеялом, которое соскользнуло бабушке на колени.

– Не надо, – остановила ее бабушка Эдит. – Со мной все хорошо. А вот с тобой – нет. Ты раскисла.

– Не раскисла. Просто грущу.

– Об этом никчемном Эрике?

– О том, – Лив постучала по ногтю большого пальца, – что я теперь не понимаю, кто я.

– Ради бога, Оливия, надеюсь, ты не имеешь в виду, что привязалась к этому ничтожеству? Когда умер твой отец, твоя мать меняла мужей как перчатки, но ты, по-моему, не такая.

Лив посмотрела на нее:

– Нет, просто все это настолько меня ошеломило, что я еще не совсем пришла в себя. Мне сорок один год, у меня ни мужа, ни детей, ни работы. Не думала, что до такого доживу.

– Ну, да, если позволить Эрику все у тебя отобрать, победа останется за ним. – Бабушка Эдит покачала головой и нажала кнопку вызова. – Поистине жестокое разочарование.

Подошла стюардесса, явно спросонок, – тушь смазана, волосы прилипли к щеке. Но бабушку Эдит это не смутило: она сухо потребовала принести джин-мартини и соленые крендельки. Лив прикусила губу. Стюардесса доставила заказ в мгновение ока, зевнула и вопросительно посмотрела на Лив, но та лишь поежилась. Наверное, никому не под силу сладить с миниатюрной нестареющей француженкой, хлещущей алкоголь, словно американский рекламщик 1960-х.

– Так на чем мы остановились? – спросила бабушка Эдит, сделав немаленький глоток коктейля – уже третьего с начала полета. Секрет ее долголетия определенно заключался в том, что она регулярно проспиртовывала собственную печень. – Ах да, на твоей меланхолии. Мать всегда говорила, что женщине нельзя жаловаться, а надо решать проблемы самостоятельно. По-моему, очень хороший совет, хотя, признаться, я не всегда ему следовала.

– При всем уважении к твоей матери, бабушка Эдит, может ли быть, что ей приходилось сталкиваться с такими проблемами, как бесплодие и муж, которому стал противен ее вид?

– Нет, дорогая, ей довелось иметь дело всего-навсего с гибелью брата на Первой мировой, чудовищными обстрелами каждую ночь и моим отцом, который вернулся из-под Вердена наполовину слепым и срывал злость на ком попало.

Лив посмотрела на нее с изумлением:

– Бабушка, прости меня. Я и представить себе не могла, сколько всего пришлось пережить вашему семейству.

– Ну ладно, некоторые темы лучше не трогать. Просто многие теряют больше, чем могли вообразить, и все же находят способ жить дальше. – Она снова подняла свой бокал (рука у нее заметно дрожала), посмотрела на Лив, а потом

ее взгляд устремился куда-то вдаль. – Я его нашла, Оливия. И ты тоже должна.

Хотя не было еще и восьми утра, Париж кипел. Шофер петлял по узким улочкам Седьмого округа, а Лив смотрела в окно – на булочные, где уже толпился народ, на цветочные прилавки, на которых продавцы расставляли товар, на сыры, громоздящиеся в витринах фромажери. Она опустила стекло и сделала глубокий вдох, вбирая в себя смешанный аромат свежее испеченного хлеба, легкого сигаретного дымка и цветов – чисто парижское сочетание. Эти запахи, знакомые Лив с детства, могли бы привести ей на память счастливые картины того, как она, маленькая, бегает по саду Тюильри, а следом прогуливается бабушка, держа сигарету двумя тонкими пальцами.

Вместо этого в нее запустило когти более свежее воспоминание – о поездке в Париж тринадцатилетней давности вдвоем с Эриком, сразу после того, как он сделал ей предложение. Лив замучила бы совесть, выйди она замуж без согласия бабушки Эдит. Предполагалось, что это простая формальность, но бабушка по каким-то своим, непостижимым для Лив, причинам с порога невзлюбила Эрика. И не очень понравилась ему – в первое же утро в Париже он сказал Лив, что старушка чересчур шикует.

– Я думаю, – возразила Лив, – что она просто живет так, как ей удобно, и все. Кроме того, ты ведь знаешь, как она всегда ко мне щедра.

Эрик закатил глаза.

– Ну, да, ей, должно быть, приятно купаться в деньгах, которые она на самом деле не заработала.

– С чего ты это взял? Мы же не знаем, откуда у нее деньги.

– А тебе это не кажется странным?

Лив пожала плечами:

– Нет, только старомодным. Она всегда говорит, что обсуждать финансы – это вульгарно.

- Ну, как бы то ни было, она не считает, что я достоин хотя бы цента из ее богатства.

- Что?

- А разве этот брачный контракт - не ее идея?

Разумеется, на брачном контракте настояла именно бабушка Эдит. Лив не видела в нем смысла, но, чтобы сохранить мир, уступила бабушкиному желанию, тем более что та взяла на себя все расходы по свадьбе.

- Слушай, какая разница? Ведь мы вряд ли разведемся. Я люблю тебя.

Позднее Лив воспользовалась моментом и, когда Эрик пошел в душ, спросила бабушку:

- Все-таки он тебе понравился, а?

Бабушка медленно подняла глаза, встретилась взглядом с Лив и, помолчав, ответила:

- Нет, не очень.

- Но вы едва знакомы! Откуда такое предубеждение?

- Многолетний опыт, дорогая. Что знаю, то знаю.

- Ты ошибаешься. И не тебе судить о человеке, которого я люблю.

- Должен же кто-то выступить голосом разума, - ответила бабушка Эдит, не отводя взгляда. - А твоя мать слишком занята флиртом со своими кавалерами, чтобы высказаться.

- Может быть, она просто больше уважает мою точку зрения?

– Или до сих пор не поняла, что влечения сердца ослепляют и толкают на неразумные поступки вас обеих. – Бабушка Эдит спокойно пожала плечами, покуда внутри у Лив все кипело. – Но это твоя жизнь. Выходи за него, если хочешь, только не говори, что я тебя не предупреждала.

Теперь, почти через полтора десятка лет, эти слова по-прежнему отдавались в ушах у Лив.

– Бабушка Эдит? – тихо проговорила она, когда машина свернула вправо, на улицу Фабер, и впереди засверкал золотом купол Дома Инвалидов.

– А?

– Как тебе удалось так быстро раскусить Эрика, когда я привезла его сюда знакомиться с тобой?

– Ты и в Париже все еще думаешь о нем? – Бабушка неодобрительно хмыкнула. – Отпусти его.

– Я отпустила, – ответила Лив. – Честно. Только не понимаю, как получилось, что я столько лет заблуждалась на его счет, а ты с первого взгляда поняла, что он собой представляет.

– На самом деле, Оливия, – бабушка Эдит чуть переменила позу, и Лив заметила влагу в ее глазах, – здесь нет твоей вины. Пока ты молода, ты видишь только будущее. А становясь старше, начинаешь видеть прошлое. – Она отвернулась к окну и долго молчала, а потом добавила дрожащим голосом, какого Лив никогда раньше не слышала: – Пршлое умеет показывать все в правильном свете, хочешь ты того или нет.

Глава 6

Сентябрь 1940

Инес

Виноград первым выступил против оккупантов. Ягоды, чтобы не достаться врагу, засыхали прямо на лозе или совершали самоубийство, падая на землю посреди ночи. Настоящей причиной этого было нашествие плодоярки и виноградной моли, совпавшее с германским. Из-за него виноделы Шампани, не собрав еще ни единой виноградины, подсчитывали будущие убытки.

В первое утро сбора урожая 1940 года Инес и Селин отправились вместе с Мишелем и Тео на один из виноградников, поставлявших значительную часть «пино-менье» для «Мезон-Шово», и Инес с растущим беспокойством наблюдала, как вместо крепких здоровых работников трудятся дети и старики.

Они работали в парах, срезая секаторами тугие черные гроздья и складывая их в небольшие корзинки; когда такая корзинка наполнялась, кто-нибудь из подростков уносил ее и ссыпал виноград в большие плетеные ящики, называемые манекенами.

– Слишком медленно, – пробормотал Тео, и они с Мишелем обеспокоенно посмотрели друг на друга.

– Давайте им поможем, – предложила Селин.

– Нет. – Тео отвернулся. – Надо беречь силы, у нас своя страда.

– Да, пора возвращаться, – сказал Мишель. – Эту партию скоро доставят, мы должны подготовиться.

Собранные утром гроздья, как знала Инес, сразу же отправятся в огромные круглые чаши подземных прессов; стандартная загрузка пресса равняется четырем тысячам килограммов. Первые примерно сто литров сока, содержащие фрагменты кожицы, полагается вылить как шлак. Затем в открытые чаны потечет кюве – самый сладкий и чистый сок, – а когда его наберется две тысячи пятьдесят литров, из жмыха получится еще пятьсот литров сока, называемого тай, который соберут отдельно. Соку дадут отстояться, удалят осадок и перенесут глубже в погреба, где он будет бродить под постоянным наблюдением Тео.

К ноябрю вино – еще не игристое – созреет для следующего этапа. Тео и Мишель проведут серию дегустаций и вместе решат, какое сочетание сортов станет шампанским урожая 1940 года. Этот завораживающе сложный процесс, именуемый ассамбляжем, подчинялся множеству строгих правил и ограничений, которые Инес еще только пыталась понять.

– Как же много испорченного винограда! – озабоченно проговорила она, когда все четверо втиснулись в ситроен Мишеля.

– Этот урожай был обречен. – Голос Мишеля прозвучал мрачно, а руки так стиснули руль, что побелели костяшки пальцев. – В любом случае работники делают все, что в их силах. И нам нужно поступать так же.

На мгновение все притихли, потом Инес нарушила молчание:

– А что можно сделать, если винограда не хватает?

Мишель оторвал взгляд от дороги и посмотрел на нее.

– Мы с этим справимся.

– Но каким образом? – не отступала Инес.

Тео на заднем сиденье кашлянул, Мишель оглянулся на него, затем повернулся к Инес:

– Дорогая, это тебя не касается.

– Нет, касается. – Инес видела, как потемнело лицо мужа, но твердо стояла на своем. – Мишель, почему ты мне ничего не говоришь? Я ведь хочу помочь. «Мезон-Шово» – точно так же мое будущее, как и твое.

Она надеялась, что это прозвучит как слова поддержки, но Мишель лишь отрицательно покачал головой, все с тем же сердитым выражением. В последнее время, что бы ни сказала Инес, это стало чуть ли не стандартной реакцией.

Раньше было не так. Мишеля, казалось, умиляла неопытность жены, и стоило ей задать вопрос, с удовольствием разъяснял сложные этапы процесса изготовления шампанского. Все переменялось с объявлением войны. Теперь он отвечал коротко, лишь бы отделаться. Инес понимала, что голова его занята другим, но ей все равно было больно. Она тосковала по тем первым месяцам после свадьбы, когда они вместе смеялись и безраздельно верили друг другу. А может, того счастья и вовсе не было и дальше будет как сейчас?

– Просто верь мне, Инес, – с явным усилием выговорил Мишель после долгой паузы. – Я принял меры.

– Но... – начала было Инес, когда с заднего сиденья донесся голос Селин.

– Мы постараемся по максимуму использовать то, что есть. И получить прекрасный результат. Как обычно. Не стоит волноваться.

В ее тоне – или это только показалось Инес? – слышалась снисходительность. И говорила она будто от имени Мишеля и Тео, словно они втроем были против нее одной.

– Спасибо, Селин, – сухо отозвалась Инес. – Вы меня вполне успокоили. – И она отвернулась к окну, чтобы никто не увидел навернувшихся на глаза слез обиды.

Спустя двадцать минут, когда они доехали до «Мезон-Шово», мужчины отправились в погреб заканчивать приготовления к приему винограда, а женщины – в главный дом готовить еду. Назавтра работники должны были прийти на собственный виноградник «Мезон-Шово», и их предстояло накормить. Запасы были разорены, но удалось найти брюквы с турнепсом на большой котел супа и несколько буханок хлеба.

Инес и Селин принялись чистить и рубить овощи. Какое-то время в кухне слышался только стук ножей, пока Селин не нарушила неловкое молчание:

– Извините, если обидела вас тогда в машине.

– Ну, – ответила Инес, не глядя на нее, – я все-таки думаю, что у меня есть причины волноваться.

– Это правда.

– Но почему тогда Мишель в последние дни затыкает мне рот всякий раз, как я пытаюсь что-то сказать? – Инес не ждала ответа, но, к ее удивлению, Селин ответила:

– Инес, ему сейчас очень тяжело.

Инес скрипнула зубами и яростно вонзила лезвие в турнепс.

– Я в курсе. Как-никак он мой муж.

– Прошу прощения, – отозвалась Селин через несколько секунд, – я не хотела быть бестактной.

– Но вам это удалось. – Инес с силой рубанула ножом по доске. Больше года она пыталась держаться по отношению к Селин максимально дружелюбно, надеясь, что та в конце концов примет ее как равную себе, но теперь с нее хватит! Сколько можно сдерживаться, когда об тебя ноги вытирают! – Не считайте меня душой, Селин, и не думайте, что мне нет дела до того, что здесь происходит. Понятно, что я не так хорошо, как вы, умею помогать с работой в погребу, но я не такая бесполезная идиотка, как вам представляется. – Инес, всхлипнув, умолкла.

Селин вздохнула:

– Инес, я вовсе не думаю, что вы бесполезны, я думаю... думаю, что вы новый человек в нашем деле. Вам надо многому научиться.

– Я стараюсь, Селин, правда стараюсь.

Молчание, наступившее после этих слов, было неудобным и напряженным. Инес продолжала резать овощи, а к глазам подступали слезы, которым она не хотела давать волю при Селин. Через некоторое время Селин произнесла:

– Простите меня. Я иногда бывала к вам несправедлива.

Инес подняла глаза:

– Бывали, да. Я знаю, что у нас не так много общего, Селин, но вообразила себе, что в один прекрасный день мы сможем друг на друга опереться, – в конце концов, мы вместе застряли здесь, у черта на рогах. А теперь и Мишель совсем перестал меня слушать, и было бы так хорошо иметь подругу.

– Мы и есть подруги, Инес.

– Правда?

– Конечно. – Но Селин не подняла глаз и не добавила ни слова. Наступило молчание. Разговор, чувствовала Инес, только увеличил расстояние между ними.

К концу осени, когда виноградные лозы уже погрузились в зимнюю дремоту, а по утрам на солнце искрился иней, Инес была измучена до последней степени. Ежедневно она поднималась до рассвета и сонно брела с Мишелем в погреба клеить этикетки на бутылки с шампанским урожая 1936 года. Они готовились к поставкам, хотя, когда у них вновь появятся постоянные покупатели, никто не знал.

Как-то поздним ноябрьским вечером, когда уже давно стемнело, Мишель поднялся из погреба в кухню с пылающими щеками и горящими глазами и объявил жене:

– Утром приезжает Клебиш. Эмиль из комиссии только что прислал сообщение с нарочным.

– Зачем? – спросила Инес, оторвав хмурый взгляд от почти опустевшего буфета.

Отто Клебиша недавно назначили инспектором, ответственным за виноделие. Официально его должность называлась *Beauftragter für den Weinimport Frankreich*, уполномоченный по импорту вина из Франции, а неофициально – вайнфюрер. В июле, когда Клебиш только прибыл в Шампань, с ним связывали надежды на некоторое облегчение жизни. И действительно, грабительские налеты военных на винные погреба прекратились. Вдобавок Клебиш происходил из хорошей семьи – даже родился в Коньяке, где его родители до Великой войны

торговали крепкими напитками. Если уж нами должен управлять захватчик, рассуждали виноделы, то, может быть, это и к лучшему, что он разбирается в нашем ремесле и знает, как мы живем. Но все осторожные надежды развеялись как дым, когда Клебиш реквизировал родовой замок у Бертрана де Вогюэ – главы компании «Вдова Клико-Понсарден» – и вселился туда сам.

– За вином, без сомнения. – Мишель скрипнул зубами.

– И что ты ему ответишь?

– Соглашусь на все требования.

Инес сжала челюсти:

– Они не посмеют.

– Еще как посмеют, Инес. – Голос Мишеля звучал устало. – Это затяжная война, и нам надо постараться в ней выжить. Мы ведь с тобой уже говорили об этом, правда?

– Да, – пробормотала Инес, понимая, что опять сказала не то.

На следующее утро Инес и Мишель встали еще раньше, чем обычно, и наклеили оставшиеся этикетки, а затем поднялись в дом, чтобы подготовиться к приезду Клебиша. Инес переоделась в бледно-зеленое платье, доходившее до середины икр, собрала волосы в низкий пучок и слегка тронула губы помадой. До войны она всегда так выглядела – элегантно, продуманно, модно, – но так давно не наряжалась, что теперь с трудом узнала себя в зеркале.

– Не слишком ли ты стараешься ради оккупанта? – хмуро заметил Мишель, когда Инес вышла из спальни и встала рядом с ним в гостиной.

– Важно, чтобы он принял нас всерьез, – ответила Инес, поправляя платье. Мишель промолчал, и ей вдруг стало неловко. – А Тео и Селин подойдут?

Мишель покачал головой:

– По-моему, Клебишу лучше не видеть Селин. Для нее это может быть опаснее, чем для нас с тобой. Отношение немцев к евреям...

– Но ведь она не подпадает под *statut des Juifs*. – Действительно, в октябре французское правительство издало «Статут о евреях», по которому (точно так же, как и по германским Нюрнбергским законам) евреем считался тот, кто в третьем поколении происходил как минимум от трех чистокровных евреев, а у Селин еврейских предков было только двое.

– Нельзя быть уверенным, что нацисты не передумают. Лучше соблюдать осторожность.

На самом деле Инес понимала, что без мрачной молчаливой Селин ей будет легче. Та в последние недели совсем замкнулась, разговаривала только о работе с Мишелем и Тео, всегда очень коротко, и Инес спрашивала себя, как Тео удастся выносить холодность супруги, когда они остаются наедине.

Герр Клебиш приехал ровно в восемь в сопровождении двух солдат, которые держались поодаль и вполголоса переговаривались по-немецки. Вайнфюрер был высокого роста, с черными прилизанными волосами; посреди мясистого лица торчал массивный нос, напоминающий птичий клюв. Он оглядел дом, и глаза его блеснули в утреннем свете из-под набрякших век.

– Благодарю, что вышли меня встретить, – произнес он на таком же безукоризненном французском, какой был у офицера с глазами-бусинками, возглавлявшего команду грабителей в июне. – Не покажете ли мне погреба?

По дороге Мишель и Клебиш беседовали – к удивлению Инес, мирно и почти дружески. Вайнфюрер задавал вопросы о составе здешней почвы, и Мишель подробно объяснял ему, каким образом песок вместе с находящимися под ним меловыми отложениями помогает удерживать влагу, спасая от засухи виноградники к западу от Реймса. Правда, немцу полагалось бы все это отлично знать – ведь он уже несколько месяцев находился в Шампани, а вином торговал много лет. Тем не менее он слушал, как казалось, с полным вниманием.

– И все же урожай в этом году неважный, – мягко заметил Клебиш, когда они спустились в прохладную темноту. – Нам непременно нужно улучшить результаты. Этот регион очень важен для фюрера.

– Но, – ответил Мишель, – вы, конечно, понимаете, что, с тех пор как у нас отобрали рабочие руки, мы не можем получать с виноградников максимум. Вам известно, что объем заготовленного винного сырья упал на восемьдесят процентов. И сейчас, чтобы изготовить шампанское, каждый из нас выполняет работу нескольких мужчин. Даже жены трудятся вместе с нами.

Клебиш так долго молчал, что Инес забеспокоилась, уж не возмутили ли его слова Мишеля. Однако на последней ступеньке он откашлялся и проговорил:

– Месье Шово, я понимаю ваши трудности, но во время войны все мы должны добиваться большего с меньшими ресурсами, вы согласны?

– Разумеется.

– А раз так, то мне представляется, что вы найдете выход. Я неоднократно убеждался в изобретательности французов. – Клебиш шел вдоль склада шампанского, тянувшегося по всей длине главного коридора, и стук его сапог гулко отдавался в тяжелой тишине. Время от времени он ненадолго останавливался у какой-нибудь стойки и без слов осматривал бутылки. Инес и Мишель тоже молчали. При приближении к статуе Девы Марии, которая закрывала вход в тайник, Инес усилием воли заставила себя дышать ровно, а когда Клебиш, так и не сделав ни единого замечания, повернул наконец к выходу, у нее вырвался тихий вздох облегчения.

– Прекрасная коллекция, – сказал вайнфюрер, когда все поднялись и вышли наружу, в зябкий утренний воздух. Затем он достал из кармана блокнотик и, поджав губы и щурясь, стал делать в нем какие-то заметки, а закончив, поднял глаза и спросил:

– Как я понимаю, вы руководите производством вдвоем с chef de cave по фамилии Лоран?

– Да, с Тео Лораном.

– Я бы хотел его видеть. Может быть, в следующий раз. – И Клебиш, не дожидаясь ответа, продолжил: – В любом случае начнем с тысячи бутылок вашего «Кюве де престиж» 1935 года и такого же количества урожая 1936 года.

Подготовьте их к отправке немедленно. Рейхсмаршал Геринг будет весьма доволен.

Он сделал знак своим солдатам, которые так и стояли перед входной дверью, все трое молча сели в машину и уехали. Инес и Мишель провожали глазами их грузовик, пока он не скрылся за дальними холмами.

К новому году в Шампани начался тихий бунт. Дело в том, что вскоре после своего прибытия герр Клебиш провел встречу с Шалонской комиссией – ассоциацией, координирующей работу домов шампанских вин, – и обязал регион поставлять еженедельно 350 тысяч бутылок шампанского с оплатой оккупационными марками, обесценивающимися на глазах. На все такие бутылки следовало поставить штамп «Зарезервировано для вермахта»; вино, оставшееся после выполнения этих требований, можно было продать соотечественникам, но его не хватало, чтобы получить мало-мальски ощутимую прибыль. И виноделы начали при приготовлении вина, поставляемого в Германию, использовать невымытые бутылки, низкокачественную пробку, второсортное кюве. Некоторым из них определенно кружила голову идея натянуть немцам нос. И Инес знала, что ее муж, несмотря на всю свою осмотрительность, тоже не устоял перед искушением.

– Представляю себе картину, – сказал он в один из холодных вечеров, когда пригласил Тео и Селин посидеть вместе с ним и Инес у камина в главном доме и погреться перед пылающим огнем. – Геринг и Гиммлер обедают вместе в Берлине, а на столе у них – одна из наших лучших бутылок.

– Гран-крю тридцать пятого года, – вставил Тео, сверкнув глазами.

– Bien sûr [7 - Вот именно (фр.)]. – Мишель ухмыльнулся. – Они и не заметят на ней грязи.

Тео хмыкнул:

– И того, что на самом деле в бутылке бурда тридцать седьмого.

– А вы не боитесь? – спросила Инес.

– Все так делают, – пожал плечами Тео.

Но спустя неделю к ним снежным днем без предупреждения нагрянул Клебиш на машине с водителем и в сопровождении немца-автоматчика.

– Месье Шово, – сказал он ровным голосом, когда Мишель открыл дверь. – Я по поводу вашей измены.

– Не понимаю, о чем вы. – Мишель говорил совершенно спокойно, но Инес, вышедшая к двери вслед за ним, видела, как его шею заливает краска. Бросив на жену быстрый взгляд, он вновь посмотрел на Клебиша.

– Вы думаете, я не замечаю, что вы творите? Вы все, проклятые шампенуазы! – Из рта вайнфюрера брызнула слюна. – Вы что, считаете меня дураком?

– Нет, конечно.

– Но вы же не отрицаете, что неправильно маркировали бутылки, предназначенные для Германии?

У Мишеля дернулся уголок рта.

– Я неуклонно обеспечиваю то отношение к германским поставкам, которого они заслуживают.

Мужчины впились друг в друга взглядом. И тут в их разговор вмешалась Инес:

– Господин Клебиш, если произошло какое-то упущение, то наверняка по ошибке. Мишель, скажи ему!

Мишель промолчал, и Клебиш, подождав, вздохнул:

– Ну что же. Может быть, вам больше понравится поразмышлять об этом в тюрьме.

– Нет, господин Клебиш, прошу вас! – задохнулась Инес, но Мишель не проронил ни слова, когда автоматчик грубо взял его за плечо и подтолкнул к выходу. Лишь идя по двору к машине в сопровождении подгонявшего его немца и Клебиша, он оглянулся и сказал через плечо:

– Все будет в порядке, Инес.

На его лице мелькнула и тут же пропала тень улыбки.

– Пожалуйста! – кричала Инес вслед вайнфюреру. – Он невиновен!

Клебиш повернул к ней утомленное донельзя лицо:

– Мадам, невинных среди нас больше нет.

В итоге Мишель провел в тюрьме в Реймсе всего три дня и потом описывал свое пребывание там как веселое приключение, потому что все камеры были заполнены виноделами, арестованными по тому же самому обвинению.

– Инес, – сказал Мишель вечером того дня, когда он вернулся в «Мезон-Шово» с темными кругами под глазами, – это надо было видеть. Я стал гордиться тем, что я – шампенуа.

Инес провела Мишеля в спальню и, медленно расстегивая его рубашку, мысленно возблагодарила Бога за благополучное возвращение супруга.

– Но теперь, когда ты снова дома, – прошептала она, крепче прижимаясь к любимому, – ты будешь делать вино по правилам, да? Ты ведь именно так решил, да, милый?

Инес наклонилась, чтобы его поцеловать, но он отстранился.

– Инес, это только начало.

Она уставилась на мужа. Куда девались его прежние речи о том, что с немцами спорить не надо и главное – пережить оккупацию.

– Дорогой, но ты играешь с огнем.

– Да. – И глаза Мишеля опасно блеснули. – А что говорит генерал де Голль? Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет. Это наша страна, моя любимая, и я буду драться за ее честь до конца.

Глава 7

Июль 1941

Селин

Во второй четверг июля Тео и Мишель с утра собрались в Эперне – городок в двадцати километрах к югу от Виль-Домманжа – на ежегодное собрание Syndicat Ge?ne?ral des Vignerons – союза виноделов. Участникам передали, что Морис Дойяр, один из ведущих виноградарей региона, и Робер-Жан де Вогюэ, владелец дома «Моэт э Шандон», сделают важное объявление.

– У де Вогюэ есть какие-то идеи насчет того, как противостоять немцам и не навлечь неприятностей на свою голову, – сказал Тео жене, направляясь к двери.

– Надеюсь, он не предлагает ничего опасного, – отозвалась Селин.

– Думаю, это больше вопрос отношений с Клебишем – как выстроить взаимодействие с ним максимально эффективно.

Это немного успокоило Селин, но она знала, что все равно будет волноваться, пока Тео и Мишель не вернуться. Коротко поцеловавшись с Тео на прощание, она пошла в погреба, а мужчины тем временем уселись в ситроен Мишеля и уехали.

Инес была уже внизу, занятая тем, что вытаскивала пустые бочки из зала, где они хранились, и перекатывала в главный зал. На прошлой неделе Мишель дал жене задание проверить бочки и подготовить их для следующего урожая: особых умений это не требует, а заодно и отвлечет. Селин надеялась, что Инес не догадывается о такой подоплеке поручения. С начала войны женщинам

приходилось работать бок о бок, и Селин все чаще жалела Инес, видя, как та старается. Дружить с ней, слишком взбалмошной и не сознающей всей серьезности положения, Селин не собиралась, но держалась как можно любезнее. Вокруг Инес в эти дни сгустилось одиночество отчаяния, а Селин знала, каково это.

– Как дела? – спросила она, подойдя к складу бочек.

Инес отерла лицо: левая щека у нее была в грязи, на лбу выступил пот.

– Я начала вот с этих. Бочки, требующие особого внимания, я перекаत्याю в пустой зал вон там по левой стороне.

– Хорошо. – Повязывая косынку, Селин окинула взглядом бочки, которые Инес успела вытащить. – А мне тогда начать с тех, которые вы залили вчера?

Проверка бочки начиналась с простукивания. Глухой звук означал возможный дефект, если же он был правильным, звонким, бочку следовало откатить в другой зал, вымыть, после чего налить в нее некоторое количество воды. Если на следующий день вода никуда не девалась, бочку переворачивали, чтобы убедиться, что она нигде не течет. Было важно проверить все бочки: именно в них происходило первое брожение, так что каждая покоровившаяся или треснувшая бочка означала большие потери вина.

– Хорошо. – Инес нагнулась к очередной бочке, постучала по ней костяшками пальцев сверху, затем в нескольких местах вдоль вертикальной оси и одобрительно кивнула.

– Я ее заберу, – сказала Селин и положила бочку на бок, чтобы покатить, – мне же все равно в тот зал.

– Спасибо. – Инес взялась за следующую бочку. – Не перестаю удивляться, сколько вы всего умеете по винодельческой части.

– С детства этим занимаюсь – у меня отец винодел, я же говорила? – У Селин кольнуло сердце: вестей от отца так и не было, и с каждым новым днем делалось все тревожнее.

Инес кивнула:

- То есть вы научились всему этому еще прежде, чем вышли замуж за Тео?

- Задолго до того. - Обе замолчали, потом Селин, понимая, что надо поддержать беседу, заставила себя продолжать:

- На самом деле мы и познакомились благодаря виноделю. Через моего отца.

- Я не знала.

- Игристое вино отца довольно известно в Бургундии, и Тео некоторое время у нас стажировался. - Селин покатила бочку по проходу. - Отец заметил его талант. Кроме того, - добавила она через плечо, - он знал, что Тео собирается переехать в Шампань, и, можно сказать, устроил наш брак. Отец чувствовал, что Тео станет отличным мастером и сумеет обеспечить мне лучшую жизнь, чем была бы у меня в Бургундии.

- И тогда вы с Тео начали встречаться? - Инес с округлившимися от любопытства глазами пошла вслед за Селин. - И полюбили друг друга?

Селин закатила бочку в зал и поставила ее стоймя.

- Мы поженились очень быстро, даже не успели по-настоящему друг друга узнать, потому что Тео уже запланировал отъезд из Бургундии. Мне очень подходил такой брак - я ведь дочь винодела и привыкла, что вся жизнь крутится вокруг вина. А для Тео женитьба, как мне кажется, стала некоторым облегчением - теперь он мог не думать об ухаживании за девушками и полностью сосредоточиться на работе.

- Вы вышли замуж не по любви? - На лице Инес было написано разочарование. - Как грустно!

Такая реакция несколько раздосадовала Селин. Неужели Инес правда считает, что любовь должна приходить сама? Нет, ради любви надо трудиться, и Селин делала это годами.

– Сейчас мы любим друг друга, – просто сказала она, хотя и без особой уверенности: течение времени показало, как мало общего у них с Тео.

– И все же... – растерянно начала Инес, но так и не придумала, что сказать дальше.

– Честно говоря, Инес, далеко не всем так повезло, как вам с Мишелем, – отрезала Селин, но, увидев обиду на лице Инес, поспешила добавить: – Сразу влюбиться в того, кто влюбится в тебя, – большая удача.

На самом деле Селин тяжело было наблюдать за развитием их романа. Она всегда уважала Мишеля и временами – особенно когда Тео уходил в себя, размышляя о производстве вина, – ощущала с ним внутреннее сродство, поражавшее ее саму. А потом он по уши втюрился в худенькую красотку, ослепительный вихрь в юбке, и это немного разочаровало Селин. Ей-то мечталось, что Мишель приведет в дом более солидную и серьезную женщину, – может быть, в чем-то похожую на нее, Селин, так что они смогут по-настоящему сдружиться.

– Да. – Инес снова замолчала, но, когда Селин уже решила, что разговор окончен, добавила тихим голосом: – Но иногда мне приходит в голову, что Мишель влюбился не в меня, а в мой образ. Как будто смотрел на меня, но видел не то, что есть, а то, что хотел во мне видеть. А действительность его разочаровала.

– Уверена, что это не так.

– Правда? – Инес испустила тихий прерывистый вздох. – А у меня ощущение, что я ничего не могу сделать так, как ему нужно. Я по его глазам вижу.

– Это все война. На нем столько всего висит. – Селин сочувствовала Инес, но понимала и состояние Мишеля. Слишком большой груз он нес на своих плечах, чтобы еще и баловать супругу, – хотя первое время явно готов был это делать, видя в ней лучшее украшение своего дома.

– Понимаю. Но именно поэтому мне хочется, чтобы он мог на меня полагаться, как полагается на вас.

В голосе Инес явственно слышалась горечь, при том что Мишель с Тео не раз давали ей шанс быть полезной. Совсем недавно им остро понадобилась помощь с дегоржированием – удалением осадка из бутылок, в которых уже образовался газ, – и они стали учить этому Селин и Инес. Процедура требовала сноровки: следовало, держа бутылку горлышком вниз, быстро вынуть пробку специальной открывалкой, называемой *pince ? de?gorger*, и одновременно перевернуть бутылку. Едва давление газа выбивало осадок, горлышко нужно было заткнуть большим пальцем, чтобы не вылилось само вино. У Селин это начало получаться попытки с тридцатой, а Инес так и не приноровилась, так что на второй сотне бутылок ее пришлось остановить – слишком много вина растеклось по полу погреба.

– Ну, сейчас-то вы ему помогаете, – сказала Селин.

– Да. – Инес шмыгнула носом. – Но постучать по дереву и залить бочку водой мог бы кто угодно, правда?

Селин заставила себя улыбнуться:

– Все же это нужное дело.

– Да, – отозвалась Инес погасшим голосом. – Мишель именно так и говорит.

Следующие несколько часов две женщины работали, почти не разговаривая, – разве что обменялись несколькими репликами о том, куда поставить бочки и в котором часу вернуться мужья.

Около семи они услышали знакомый грохот – это наверху к дому подъехал ситроен. Спустя еще мгновение по винтовой лестнице спустился Мишель, а за ним – улыбающийся Тео.

– Как все прошло? – обратилась к нему Селин, поднимая глаза от очередной бочки и отряхивая руки.

– Чудесно, – ответил Тео, и впервые за много месяцев Селин увидела, что в его глазах светится надежда. – Цель в том, чтобы заставить Клебиша иметь дело не с каждым из нас в отдельности, а с организацией, представляющей нас всех.

Тогда мы сможем разделить этот оброк по справедливости.

- Идеальное решение! – радостно воскликнула Инес и захлопала в ладоши, однако хмурый взгляд мужа ее остановил.

- Шаг в верном направлении, – осторожно заметил Мишель. – Но на собрании было также сказано, что Клебиш еженедельно реквизирует в Шампани пятьсот тысяч бутылок.

- Пятьсот тысяч? – переспросила Селин. – Как же мы это выдержим? Если виноград снова не уродится...

- По крайней мере, – Тео взглянул на жену, – они прекратят стоять у нас над душой, требуя самые ценные сорта. Верь мне, Селин, объединение – правильная вещь, и отрасль выстоит. Все будет хорошо.

Мишель кашлянул, Селин подняла глаза и встретила с ним взглядом. Похоже, им обоим пришло в голову одно и то же – что Тео не понял сути. Война ставит под угрозу не только производство вина.

- Так или иначе, с новой схемой наверняка будет легче, – заключил Мишель, после чего еще раз посмотрел на Селин и какую-то долю секунды удерживал ее взгляд. – Ну, а как у нас продвигается проверка бочек?

Тем вечером Тео притянул к себе Селин, как только та улеглась рядом с ним в постель, но она с удивлением обнаружила, что тело отказывается отвечать на ласки, и лишь усилием воли смогла заставить себя расслабиться.

- Шампанское выживет. – Тео погладил ее по щеке. Прикосновение мозолистой руки казалось странным и непривычным, Селин не помнила этого ощущения. – Сегодняшнее собрание, Селин, понимаешь, сегодня я впервые почувствовал, что решение существует. Де Вогюэ – умнейший человек.

- Да.

- Он о нас позаботится. С вином все будет в порядке. – Тео опять коснулся ее лица, потянулся губами к ее губам, и тут она не сдержалась:

– А с людьми? Неужели тебе есть дело только до вина?

Тео замер, потом отодвинулся и перевернулся на спину. Селин закрыла глаза в темноте. Она сердилась на себя: не стоило напоминать мужу о страхах, которых тот не разделял.

– Конечно, не только, – поспешно ответил Тео. – Но о вине приходится думать – ведь в нем вся наша жизнь, Селин.

– Нет, Тео, не вся. Мы делаем вино, но оно – не мы сами. Если немцы завтра уничтожат наши виноградники, мы попробуем что-нибудь придумать. Но что, если они уничтожат моих родных? Если это уже случилось?

– Селин, не надо. Твои родные в безопасности, все будет хорошо, увидишь.

– Как знать? – Перед глазами Селин встало лицо отца, плечо ощутило тяжесть сильной руки деда, а щека – прикосновение теплых бабушкиных губ, и ей вдруг стало невозможно лежать рядом с Тео. Без единого слова она выбралась из постели и двинулась к двери спальни, задержавшись лишь для того, чтобы взять длинный свитер, который висел на спинке стула в углу.

– Селин, что это за сцена? Куда ты?

– Подышать воздухом. – В темноте она прошла к задней двери, отчасти ожидая, что Тео бросится за ней и попросит прощения за свою черствость. Но он не стал вставать, и Селин подумала, что это многое о нем говорит.

Снаружи все было залито светом почти полной луны. Селин направилась к погребам. Там, наедине с дремлющими бутылками, она могла успокоиться. Тео не верил, что вино ее заботит, а зря – на самом деле заботило, и очень глубоко. Просто ее сильнее, чем мужа, беспокоила реальная жизнь работников; в каждой бутылке она чувствовала их сердца и души.

Оказавшись под землей, Селин попала в привычные объятия чернильно-черной тьмы, а у подножия каменной лестницы зажгла керосиновую лампу, и по стенам заплясали знакомые тени. Она глубоко вздохнула и тут же замерла: в одной из камер впереди справа послышалось легкое царапанье. Неужели там кто-то есть?

Селин стояла не двигаясь, ее сердце колотилось.

Конечно, разумнее было бы развернуться, погасить свет, выбраться наверх и поспешить домой. Но ее внезапно охватила решимость. Пусть немцы навязывают виноделам свои правила и реквизируют у них бутылки, на это священное место под землей у Германии не могло быть никакого права. Во все годы своей истории оно принадлежало только Франции, как стареющее вино принадлежит здесь самой земле, окутывающей его со всех сторон и творящей над ним волшебство. И не сумев себя остановить, Селин сняла туфли и, ступая как можно тише, пошла по узкому проходу.

Звук смолк. Может, это скреблась мышь? Селин осторожно продолжила свой путь и, дойдя до первой камеры справа, посветила туда. Что бы она стала делать, если бы в темноте скрывался немец? Но там лишь спокойно дремали тысячи бутылок.

Во второй по счету камере Селин тоже никого не обнаружила, а когда собралась посветить в третью, в темноте послышался голос:

– Селин?

Она вскрикнула – и тут же поняла, что в нескольких метрах перед ней стоит Мишель с широко раскрытыми от изумления глазами.

– Боже, вы до смерти меня перепугали. – Селин прижала руку к сердцу. – А что вы делаете здесь внизу?

– Мне не спалось. Я спускаюсь сюда, когда мне надо подумать.

– И я. – Селин вдруг забеспокоилась. – Надеюсь, это не против правил? Я понимаю, что это ваши погреба...

– Селин, они не менее ваши, чем мои. После всего того, что вы с Тео здесь сделали, всех тех часов, которые на это потратили, – он покачал головой. – Вы остались, хотя могли бы перебраться на юг и попробовать найти более безопасное место, чтобы переждать войну.

– Конечно. – Селин не знала, как это сказать, но чувствовала, что успела пустить здесь корни, как будто обрела место, в котором ей было назначено оказаться. Ни о каком отъезде у них даже разговора не заходило.

– И я вам благодарен. – Мишель жестом пригласил ее в камеру, из которой только что вышел. – Но раз уж вы здесь, может быть, присядете ненадолго и составите мне компанию?

Наверное, и вежливее, и правильнее сейчас подняться наверх, оставив Мишеля размышлять в одиночестве, понимала Селин. Но он смотрел на нее так ласково, что ей захотелось остаться.

– Мне, – начала она, – надо бы...

– Прошу вас, – перебил ее Мишель. – У меня есть к вам вопрос, который не дает мне покоя.

Селин покрылась гусиной кожей от волнения и, поколебавшись, вслед за Мишелем вошла в камеру. Он жестом указал на каменную скамью, тянущуюся вдоль задней стены, и Селин пристроилась в ее дальнем конце, оставив побольше места для Мишеля. Но полумрак их каким-то образом сближал, и Мишель, видимо, тоже это почувствовав, тотчас отстранился.

– Все в порядке? – спросила Селин, потому что Мишель молчал.

– Что? Да, да. – Он взъерошил пальцами волосы, и Селин заметила, какой у него усталый и изможденный вид. Конечно, в это тяжелое время все так выглядели, но в глазах Мишеля она уловила то, чего не замечала раньше, – некую печаль. Интересно, что ему в этот миг видится в ее лице?

– Вы собирались что-то у меня спросить.

– Да. Пожалуйста, простите меня, если это слишком личная тема, но... – Он замолчал и опять провел пальцами по волосам. – Я хотел спросить о ваших родных.

Сердце у Селин упало. Она была готова к тому, что в какой-то момент люди начнут выпрашивать ее еврейскую родословную, но совершенно не ожидала этого от Мишеля. Однако она жила в его доме, а значит, была обязана ответить правду.

– Да, все так, мой отец еврей, и, хотя мои родители вовсе не были религиозны, я все же, разумеется, считаюсь...

– Нет-нет, – перебил ее Мишель. Даже в темноте было видно, как краска поднимается у него по шее и заливают щеки. – Прошу прощения, я не это имел в виду. Я знаю, что вы наполовину еврейка, Селин, вопрос был, получали ли вы какие-нибудь известия от родных. Как они? В порядке? Я давно о них беспокоюсь, но не знал, как спросить.

Селин, к своему удивлению и смущению, почувствовала, как глаза наполнились слезами, а в горле встал ком. Вновь подняв взгляд на Мишеля, она увидела в его лице такую бездну тревоги и сострадания, что разрыдалась.

Мишель придвинулся к ней – сначала немного, а потом вплотную, – и, чуть помедлив, обнял ее одной рукой, а она склонилась к нему и продолжала плакать, заливая слезами его плечо. Затем поднялась и, отирая остатки слез, проговорила помертвевшим голосом:

– Простите, пожалуйста. Не... не знаю, что на меня нашло.

– Не извиняйтесь. Я ни в коем случае не хотел вас расстроить.

– Вы не виноваты. Дело в том, что я очень о них тревожусь. От них вовсе нет никаких вестей.

Мишель вздохнул:

– Ох, Селин, этого-то я и боялся.

– Я знаю, что связь сейчас ужасная, но...

– У меня есть друг, – перебил Мишель, и его голос вдруг зазвучал тихо и настойчиво.

– Что?

– Друг, который может устроить, чтобы кто-нибудь проверил, что с ними. Если вы хотите.

Селин моргнула в знак согласия, но Мишель избегал встречаться с ней взглядом.

– Да, конечно, но я бы не хотела никого подвергать опасности.

– Мой друг, – чуть улыбнулся Мишель, – постоянно в опасности. Но я знаю, что он будет готов помочь.

У нее была сотня вопросов и, может быть, дюжина причин сказать «нет», но вместо того она прошептала:

– Благодарю вас.

– Не стоит, – теперь Мишель смотрел ей прямо в глаза. – Мы все должны заботиться друг о друге, разве не так?

Селин кивнула и потупилась. Она чувствовала на себе взгляд Мишеля и понимала, что он чего-то ждет, но чего?

– А Тео, – спросил он немного погодя, – он волнуется о вашей родне?

Селин озадаченно посмотрела на него:

– Что вы имеете в виду?

– Меня беспокоит его невозмутимость. Такое впечатление, что он живет в каком-то пузыре, – о вине думает, а о том, что происходит в стране, – почти нет. – Мишель помедлил. – Надеюсь, вы не сочтете мои слова бестактностью.

Селин глянула на него и тут же отвернулась.

- На самом деле я подозреваю, что он мало думает о вещах, которые его прямо не затрагивают. - Даже такое признание заставило ее почувствовать себя предательницей.

- Мне кажется, то же самое происходит и с Инес.

- Она старается, - не сразу ответила Селин. После дневного разговора за проверкой бочек она понимала Инес чуть лучше и считала своим долгом вступить за нее, хотя вполне сознавала, как мало между ними общего.

- Вижу. Но, может быть, она просто не создана для этой жизни, и глупо было с моей стороны ждать, что она переменится. Я ведь знал, на ком женюсь, верно? - Он покачал головой и посмотрел на свои руки. - Простите меня. Ужасно, когда человек говорит такие вещи о собственной жене. И это не значит, что я ее не люблю.

- Понимаю, - прошептала Селин. Это была правда: к Тео она испытывала нечто похожее.

Оба погрузились в молчание, но Селин ощущала его как уютное и приветливое, и это была достаточная причина, чтобы уйти.

- Мне пора возвращаться, - сказала она, поднимаясь со скамьи, - а то Тео забеспокоится. Но спасибо вам, Мишель. От всей души спасибо за вашу доброту. - Селин испытывала благодарность не столько за предложение разузнать о родных, сколько за участие. Она и не догадывалась, как ей этого не хватало.

- De rien[8 - Не за что (фр.)]. - Он улыбнулся Селин, но, когда она вставала, смотрел на нее печально.

- Доброй ночи, Мишель.

- Bonne nuit[9 - Спокойной ночи (фр.)], Селин. Увидимся завтра.

Через пять минут Селин, поднявшись по лестнице и дойдя при свете луны до их с Тео домика, входила в спальню. Она готовилась объяснить супругу свое долгое отсутствие, но услышала тихое похрапывание. Тео крепко спал и не шелохнулся при ее появлении. До самого утра она неподвижно лежала на спине рядом с мужем и глядела в потолок.

Глава 8

Июнь 2019

Лив

Лив мгновенно подпала под волшебное обаяние Парижа, и поздним утром вторника, шагая по авеню Рапп со свежим багетом, кусочком бри и колбасой, уложенными в холщовую сумку через плечо, уже спрашивала себя, почему не вернулась сюда раньше.

Бабушка Эдит называла это особенное парижское волшебство «глубоким вздохом» – *le grand soupir*. Девочкой Лив только смеялась, а теперь и сама сделала глубокий вдох и выдох в Городе света, и тревоги правда словно бы отступили.

Давным-давно, еще до знакомства с Эриком, Лив представляла, как переедет во Францию, влюбится, найдет причину остаться навсегда. Подобный образ будущего приходил ей в голову чаще иных, возможно, потому, что лето у бабушки во Франции было тем единственным, что оставалось в жизни неизменным. С тех пор как умер отец, мама каждые несколько месяцев заводила себе нового друга, а каждые несколько лет – нового мужа, так что в детстве Лив переезжала в общей сложности семнадцать раз. Бабушка Эдит не отличалась особой теплотой, но когда все вокруг зыбко и непредсказуемо, хорошо иметь дом, в который всегда можно вернуться. Не без удивления Лив обнаружила в себе это чувство спустя столько лет.

За несколько дней в Париже она и думать забыла про Эрика, зато у нее появилась новая причина для беспокойства – бабушка Эдит. Теперь она целыми

днями в черном шелковом халате и при полном макияже мерила шагами квартиру. Конечно, бабушка всегда была немного взбалмошной, но такой беспокойной Лив ее еще ни разу не видела.

Она спрашивала, что случилось, но неизменно слышала в ответ «не выдумывай». Может, это и правильно, размышляла Лив, поднимаясь на лифте в просторную квартиру на шестом этаже и вставляя запасной ключ в узорчатый замок. Распахнув дверь, она увидела, что бабушка Эдит стоит посреди гостиной в идеально сшитом бледно-розовом костюме от Шанель, ее седые волосы уложены в тугий пучок, а губы ровно подведены красной помадой.

- Ну, где ты была? - требовательно спросила бабушка.

- В булочной. - Лив показала на багет. - Подумала, что мы могли бы...

- Ладно, не стой на месте. Бери свои вещи, а хлеб, если тебе так хочется, съешь в поезде. Мы едем в Ранс. - Лишь спустя несколько мгновений Лив сообразила, что так по-французски произносится Реймс, один из главных городов Шампани. Лив с Эриком когда-то собирались туда съездить - от Парижа на скоростном поезде это каких-то сорок пять минут, - но так и не собрались, Лив уже не помнила почему. А вот бабушка не упоминала Реймс ни разу.

- Но... зачем?

- У меня там дела. - Видя, что Лив так и стоит на месте, бабушка Эдит недовольно поджала губы. - Оливия, поезд отправляется в 12:58. De?re?che-toi![10 - Поторапливайся! (фр.)] Нам нельзя опаздывать, машина на вокзал уже ждет.

- Хорошо, - только и сказала совершенно растерянная Лив и поспешила в свою комнату.

- Постой! - Бабушка сняла с себя шарфик - бело-золотой, винтажный, от Шанель, и протянула Лив. Та попросту накинула его на шею, и тогда бабушка нахмурилась и аккуратно его повязала, а потом отступила на шаг полюбоваться на свою работу. - Вот так. Теперь ты выглядишь почти как парижанка.

Не прошло и двух часов, как Лив, промчавшись на скоростном поезде мимо холмов, усеянных фермами и ветряками, и спрятавшихся между ними деревушек, уже стояла в гостинной бутик-отеля на улице Биурет, посреди роскошного, на две спальни, номера с пушистыми кремовыми коврами на полу, резной позолоченной мебелью и бесчисленными бордовыми подушками.

– Располагайся, – бабушка Эдит показала на левую спальню. Позади нее портье, покраснев от натуги, тащил тяжеленный чемодан «Луи Виттон».

– Выглядит замечательно. А когда мы устроимся, сходим вместе перекусить? – К обеду ведь полагается вино, и Лив надеялась, что после пары бокалов бабушка разговорится и объяснит, зачем их сюда понесло.

– Non. Ступай одна, дорогая. У меня разболелась голова, мне надо прилечь.

Только тут Лив заметила, до чего бабушка бледна, – это было видно даже под слоем свежих румян.

– Бабушка Эдит, тебе нехорошо? Помочь?

– Со мной все в порядке. – Бабушка вложила в руку портье несколько монет, и тот удалился, пробормотав «merci». – Прошу тебя, Оливия, пойдти, выпей бокал шампанского. Побалуй себя. – Она чуть улыбнулась Лив, повернулась, вошла в спальню справа и закрыла за собой дверь.

Лив закусила губу. Как быть? Постучаться к бабушке, проверить, как она там? Это, скорее всего, обернется лишь новой порцией попреков в том, что Лив неправильно относится к собственной жизни. Но и оставить бабушку одну, когда ей нездоровится, тоже нельзя.

Лив перетасила чемодан в свою спальню, где высилась громадная, полированного красного дерева кровать с балдахином на столбиках, белоснежным покрывалом и горкой бордовых подушек, таких же, как в гостинной. Тяжелые шторы были раздвинуты, и из окон открывался вид на улицу, на фонтаны с длинными прямоугольными бассейнами, на магазины и отели. Над острыми крышами торчали тонкие трубы, и домики, сложенные из древних каменных глыб, соседствовали с большими несуразными зданиями, выстроенными никак не раньше, чем пятьдесят – шестьдесят лет назад. А надо

всем этим высились башни собора, похожего на парижский Нотр-Дам.

На перекрестке над нарядным фонтаном парила бронзовая крылатая женская фигура, а прямо под окном краснел навес маленького кафе.

Не успела Лив его толком рассмотреть, как зазвонил телефон.

Лив взглянула на экран и тяжело вздохнула: мама. Может, не отвечать? Бесплезно, мама будет названивать, пока не дозвонится. И Лив решила ответить, внутренне приготовившись к шквалу вопросов о разводе.

- Привет, мам.

- Привет, дорогая, - прощебетал в трубке мамин голос. - Я собираюсь завтра быть в Нью-Йорке со Стэном. Не хочешь с нами поужинать? У нас билеты в театр на четверг, но я твердо сказала Стэну: ты должен познакомиться с моей дочерью.

Пораженная, что мать даже не обмолвилась об Эрике, Лив только и спросила:

- Извини, а Стэн - это который?

- Адвокат, - рассмеялась мать. - У которого квартира в кондоминиуме Оушен-Сан в Бока-Ратоне.

- А, точно! - Лив была почти уверена, что о Стэне да и о кондоминиуме Оушен-Сан слышит впервые в жизни, но какая разница? - На самом деле, мам, я сейчас не в Нью-Йорке. Я гощу у бабушки Эдит.

- В Париже?

- В Реймсе, если быть точной. Восточнее Парижа, примерно в сорока пяти минутах езды.

Теперь уже мать удивилась.

– А зачем вас туда понесло?

– Сказать честно? Понятия не имею. Бабушка сама не своя.

На другом конце провода слышался смех:

– А разве это плохо?

– Мам, я серьезно. Мне за нее немного тревожно. Она кажется – не знаю – подавленной.

– Солнышко, я уверена, все это ерунда. – Мать принялась что-то рассказывать о том, что произошло накануне в бассейне кондоминиума, но Лив уже не слушала, потому что заметила в окно знакомую фигурку в бледно-розовом костюме от Шанель. Бабушка Эдит бодро вышла из дверей отеля и заспешила куда-то по тротуару. Куда? Разве она не говорила несколько минут назад, что неважно себя чувствует и не собирается выходить?

– Извини, мам, – прервала Лив мать, – мне надо идти.

Мать еще говорила, но Лив уже нажала отбой и устремилась к двери.

Преодолев бегом шесть лестничных пролетов, она вылетела наружу и, все еще тяжело дыша, свернула в ту же сторону, куда ушла бабушка. Но сразу стало понятно, что поиски бесполезны. Улицы были полны народу: одинокие прохожие смотрели в свои телефоны, парочки нежно держались за руки и льнули друг к другу, местные жители выгуливали собак, дети, хохоча, носились невдалеке от родителей. Лив прошла три квартала, потом развернулась и той же дорогой возвратилась на площадь с фонтаном, которую видела из окна. Заглянула во все магазинчики и ресторанчики по дороге, но бабушку Эдит так и не обнаружила. Попробовала позвонить ей на мобильный телефон – но там, как часто бывало, сразу включился автоответчик. Оставалось только ждать, и Лив медленно побрела к отелю. Перед входом она оглянулась на улицу Бюирет и напомнила себе, что бабушка Эдит живет одна и, очевидно, и прежде не раз выходила из дома. Так что причин для беспокойства нет.

В номере Лив достала из чемодана книжку – дурацкий триллер, купленный в аэропорту в Нью-Йорке, – расположилась на диване в гостиной и стала ждать. Она успела проверить почту, пролистать ленту новостей на сайте «Нью-Йорк таймс» и прочитать первые главы книжки, когда в дверь номера постучали. Со вздохом облегчения Лив распахнула дверь, ожидая увидеть там бабушку, вернувшуюся со своей таинственной прогулки и безуспешно пытающуюся нашарить в кошельке ключ.

Однако за дверью стоял мужчина, листая потертую кожаную папку. Он с улыбкой поднял глаза, но при виде Лив нахмурился и смутился.

– Oh, excusez-moi, ce doit être la mauvaise chambre[11 - О, простите, это, должно быть, не тот номер (фр.)], – поспешно проговорил он и сунул папку в сумку, собираясь уйти.

Лив лихорадочно подбирала французские слова – понимала она лучше, чем говорила.

– Attendez! Э-э-э... Cherchez-vous ma grand-mère?[12 - Погодите! Вы ищете мою бабушку? (фр.)] Эдит Тьерри?

– Oui![13 - Да (фр.)] – Мужчина взглянул на нее внимательнее, и его лицо озарила догадка. – Пойдите, – он перешел на английский, – вы не Оливия? Конечно, Оливия! Ваша бабушка показывала мне фотографии.

– А вы?..

– О, простите меня, пожалуйста, мне сразу следовало представиться. – Он протянул руку. – Жюльен. Жюльен Кон.

Посетитель был того же возраста, что и Лив, может, на несколько лет старше. Карие глаза глядели с веселым прищуром, густые черные волосы с проседью, на взгляд Лив, нуждались в стрижке, а волевой подбородок покрывала такая же черная с проседью щетина. Лив пожала ему руку и спросила:

– А откуда вы знаете мою бабушку?

- Это моя клиентка, я принес бумаги, которые она просила.

- Бумаги? Какие бумаги?

- Я один из ее поверенных. Она говорила, что сегодня приедет, и я обещал прийти во второй половине дня, а она, наверное, забыла.

Лив смотрела на него во все глаза:

- Но зачем моей бабушке поверенный в Реймсе?

- Об этом, я полагаю, лучше спросить у нее самой. - Жюльен улыбнулся настолько очаровательно, что Лив невольно отвлеклась от загадки его визита.

- Если хотите, можете оставить бумаги. Бабушка должна скоро вернуться.

Жюльен нахмурился:

- К сожалению, не могу. Понимаете ли, Оливия, это весьма чувствительные материалы.

- О, да, конечно. - Немного уязвленная, она поколебалась. - Лив.

- Что?

- Меня зовут Лив.

- О, простите меня, пожалуйста. - Снова та же улыбка. - Ваша бабушка всегда называла вас только Оливией.

- Она, - Лив закатила глаза, - вообще не признает уменьшительных имен. Говорит, что это для детей и домашних животных.

Жюльен рассмеялся:

- Очень на нее похоже.

– А вы хорошо знаете мою бабушку?

– Вполне. Наша семейная адвокатская контора работает с ней уже... – да, семьдесят лет. Хотя сам я, конечно, подключился позже.

– Семьдесят лет? – Лив озадаченно заморгала, глядя на Жюльена. – Здесь, в Реймсе?

Он кивнул, провел левой рукой по волосам, затем опустил руку. Волосы как у Патрика Демпси или Джона Стэймоса, у обыкновенных людей таких не бывает. Лив поймала себя на том, что следит взглядом за толстым золотым обручальным кольцом на его безымянном пальце, а подняв глаза, к своему смущению, поняла, что Жюльен тем временем наблюдал за ней. И так, он принадлежит кому-то другому. Жюльен улыбнулся, и Лив почувствовала, что краснеет.

– Ну... – начал он, а Лив одновременно произнесла:

– Тогда...

Оба расхохотались, Жюльен во второй раз протянул ей руку, и они обменялись рукопожатием на прощание.

– Хотел еще сказать, что был страшно рад в конце концов познакомиться с вами, – проговорил Жюльен, отступая на шаг назад. – Вероятно, мы еще увидимся позже на этой неделе.

– Вряд ли мы долго здесь пробудем.

– *Vraiment?*[14 - Действительно? (фр.)] – Он недоуменно наморщил лоб: – Вы уверены? По моим сведениям, у вашей бабушки на этот счет совершенно другие идеи.

Сентябрь 1941

Инес

Приближался сезон сбора винограда, и вся Шампань гудела. Урожай ожидался средним и по количеству, и по качеству, но лучше, чем в прошлом году, и это всех радовало. Кроме того, хотя порой казалось, что главная цель герра Клебиша – разорить всех виноделов, как минимум в одном он пошел на уступки – отпустил несколько сот крепких мужчин из трудовых лагерей обратно на виноградники. Очевидно, де Вогюэ все же сумел доказать ему, что при нехватке рабочих рук результат окажется не выше прошлогоднего.

– Хорошо, что людей вернули, – сказала Инес за ранним ужином в среду, накануне первого дня сбора. С тех пор как семь месяцев назад Мишель возвратился домой после недолгого пребывания в тюрьме и заговорил о де Голле и Сопротивлении, они еще больше отдалились друг от друга, и Инес недоставало его, даже когда он сидел прямо напротив. – Может, нам удастся больше быть вместе, когда закончим со сбором винограда.

– Инес, главное не это. – Мишель даже не посмотрел в ее сторону. – Главное, что люди, которых держали в неволе и заставляли работать на Германию, теперь дома и в безопасности. Мы должны благодарить Бога за их освобождение.

– Да, конечно, я понимаю. – Инес почувствовала, как запылали ее щеки. Что она ни скажет в эти дни, все выходит неправильно или бестактно. Она почесала руку. – Мне просто пришло в голову, вдруг у нас теперь, в какой-нибудь из этих дней, найдется минутка для нас двоих. Ведь мы оба все время заняты, и ты так устаешь...

– Инес, мы на войне. Чего ты ожидала? – Мишель отложил ложку и вздохнул. – Прости. Мне просто иногда тревожно, что ты не осознаешь масштабов происходящего.

– Мишель, я не идиотка.

– Знаю. Но вот Селин прекрасно все это понимает, а ты почему-то...

– Сравниваешь меня с Селин, да? – В последнее время, стоило Инес заикнуться о влиянии немецкой оккупации на их жизнь, Мишель, казалось, едва сдерживал раздражение, а вот когда о том же заговаривала Селин, слушал очень внимательно. Мелочи, понимала Инес, но ее все равно это задевало.

– Да ну, что ты! Просто на меня столько всего навалилось...

– Так позволь мне помочь! – Инес сморгнула наворачнувшиеся слезы. За последние месяцы она твердо усвоила: плакать перед Мишелем нельзя. Теперь он больше не пытался ее утешать и лишь сердито отворачивался. А ей хотелось всего лишь донести до него простую мысль: «Мишель, я – твоя жена, мой долг и мое желание – разделить с тобой твою ношу».

– Извини, Инес. – Он резко встал. – Мне надо кое-что проверить.

– Но, – пролепетала она, – ты даже не доел ужин.

– Я не голоден, – ответил Мишель, хотя это было странно: продуктов становилось все меньше, а их качество ухудшалось. В сельской местности, к счастью, можно было хотя бы выращивать овощи, разводить кур и кроликов, но и здесь поесть досыта не удавалось. – Вернусь в погреба, ложись без меня.

И исчез, прежде чем она успела произнести хоть слово. Инес молча доела свой суп, потом, чуть поколебавшись, прикончила и остатки супа Мишеля. Моя и перетирая посуду, она глянула на часы, висевшие на стене, – дедовские напольные утащили немцы, когда грабили дом, а эти, недорогие, их не заинтересовали. Без пяти семь, еще довольно рано. Стемнеет только через час, Мишель ушел в погреба, по-видимому, на весь вечер, и ей снова придется коротать время в одиночестве. Это казалось несправедливым: в конце концов, не он один страдает от тягот войны и тревожится о судьбе своего дела.

Инес отложила посудное полотенце, расправила юбку и приняла решение. Она поедет в Реймс и переночует у Эдит. Что тут страшного? До главного города Шампани каких-то шестнадцать километров, а Инес не бывала там много месяцев – дел по горло, и все срочные, да и Мишель не любил отпускать ее одну. Но если он намерен и дальше обращаться с ней как с бесполезным существом, то лебезить перед ним, выпрашивая себе занятие, она не собирается. Кроме того, Инес страшно стосковалась по своей лучшей подруге, а еще больше – по

прежней жизни, до того, как Эдит с Эдуаром поженились и взяли ее с собой в Шампань. До того, как все стало так сложно.

Боясь передумать, она бросилась вверх по лестнице, набросила на себя первое попавшееся под руку приличное платье – красное, с рукавами-крылышками и длинной, до середины икр, юбкой-трапецией, купленное в 1938 году, перед самым отъездом из Лилля, – и черные туфли-лодочки на пятисантиметровых каблуках. Дольше часа в них не погуляешь, зато Инес помнила, как они притягивали к себе мужские взоры, и хотела, чтобы сегодня на нее смотрели так же. Мишель давно уже не глядел на нее с восхищением.

Взяв карандаш для глаз, она прочертила на обеих ногах линию там, где находились бы швы, будь она в чулках. Подвела черной тушью брови и ресницы, тронула губы красной помадой, хотя запасы всего этого были на исходе. О стрижке не приходилось и мечтать, так что Инес лишь подрезала кончики. И, прихватив свою черную сумочку, спустилась по лестнице и вышла через заднюю дверь.

– Мишель! – окликнула она мужа от входа в погреб. Ответа не было, а терять время на поиски того, кто не желает, чтобы его нашли, Инес не собиралась. Спустя пять минут она, оставив на обеденном столе записку, выходила из парадной двери с ключами от ситроена в руке.

– Инес?

Навстречу ей в сторону главного дома шла Селин.

– О, добрый вечер!

– У вас все в порядке? Куда вы едете?

– В Реймс, – ответила Инес, не сбавляя шага, и взглянула на небо. Солнце уже опустилось совсем низко, надо было поторопиться, чтобы успеть до темноты.

– В Реймс? – переспросила Селин так, как будто Инес собралась в Берлин. – А зачем?

– Повидаться с Эдит. – Инес открыла ситроен Мишеля, села в него и захлопнула дверцу.

Селин подошла к окошку и подождала, пока Инес опустит стекло.

– Эдит?

– Моя лучшая подруга. Вы ее помните? Это она познакомила меня с Мишелем.

– Конечно, я ее знаю, – сказала Селин, глядя на Инес как-то странно. – Но ведь машина с утра понадобится Мишелю и Тео, они должны ехать на сбор винограда!

– Утром я вернусь. – Инес повернула ключ, мотор ожил и заурчал, но Селин не уходила. – Да? Что еще?

– Вы уверены, что это безопасно? Повсюду заставы и патрули...

Инес слышала, что немцы то и дело перекрывают дороги, останавливают все машины, проверяют у водителей документы и спрашивают, по какому делу они едут. Но ей нечего было скрывать. Документы были в полном порядке и аккуратно лежали в сумочке.

– Все будет в порядке, Селин. Увидимся завтра.

Селин, закусив губу, отошла в сторону. Инес задним ходом выехала из ворот и перед тем, как нажать на газ, взглянула в зеркало. Селин неподвижно стояла на прежнем месте и смотрела ей вслед.

Спустя сорок минут, когда ситроен ехал уже по окраине Реймса, а небо теряло голубизну, Инес поняла, что Селин предупреждала ее не зря. Самих блокпостов не было, зато то и дело попадались грохочущие грузовики и сверкающие черные легковушки, из которых угрожающе поглядывали немецкие военные. От Орма до въезда в Реймс ей не встретилось ни одного штатского француза.

Тем не менее она без происшествий успела добраться до brasserie «Мулен» на пересечении улиц Тиллуа и Пуассонье, прежде чем совсем стемнело. Найти

место для машины позади заведения ничего не стоило – людей на улицах почти не было, многие дома, очевидно, пустовали, а шторы в витринах и окнах квартир были плотно задернуты. Похоже, не стоило ей сюда приезжать, тем более на ночь глядя, но раз уж она здесь оказалась, Эдит и Эдуар в случае чего за нее поручатся.

Успокоившись, Инес толкнула входную дверь, но едва заглянула в помещение, как тревога вернулась.

Несмотря на приближение комендантского часа зал был полон, туда-сюда сновали официанты, то и дело раздавались взрывы грубого хохота. Спустя еще секунду до Инес дошло, что почти все мужчины в зале – в немецкой военной форме.

Четверо солдат за столиком, ближайшим к двери, прервав на полуслове свой разговор, уставились на Инес, и она почувствовала, как краска заливает щеки.

Она перепутала дверь? Инес провела ногтями по левой руке от запястья к локтю, окинула глазами зал и убедилась, что это действительно заведение Эдуара, но во что же оно превратилась! У нее засосало под ложечкой.

– Инес? – С другого конца зала к ней спешила Эдит – с начесанными завитыми волосами, накрашенными красной помадой губами и в бледно-зеленом платье с иголки. Подойдя, она взяла подругу за локоть и повела прочь от двери.

– Что случилось, – прошептала она на ходу, – почему ты здесь? И улыбайся, пожалуйста! Делай вид, что весело проводишь время.

– Что? Зачем? – Инес перехватила взгляд немецкого офицера, который подмигнул ей, при том что его рука лежала на плечах у пышногрудой красотки в облегающем платье.

– У тебя вид, как у кролика, угодившего в свет фар. Guten Abend![15 - Добрый вечер! (нем.)] – Эдит, впившись ногтями в руку Инес, приостановилась у столика, за которым сидели офицеры в парадных мундирах, и озарила их фальшивой улыбкой.

Пройдя через зал в кухню, а затем во внутренний холл, подруги поднялись по лестнице в квартиру, располагавшуюся над рестораном. Эдит подождала, пока Инес закроет дверь, и лишь после этого повернулась к ней – глаза совершенно круглые, а лицо бледнее мела.

– Что ты здесь делаешь, Инес?

Потрясение Инес сменилось возмущением:

– А ты что? Развлекаешь немцев? Даже разговариваешь с ними по-немецки?

Лицо Эдит дернулось:

– Иначе пришлось бы закрыться, а мы не можем себе это позволить.

– Боже мой. – Инес покачала головой. – Вы с Эдуаром, – она перешла на шепот, – коллаборационисты? – Это не укладывалось у нее в голове, но никакого другого объяснения она не могла себе представить.

– Нет! – Эдит взяла ее за руку. – Но разве у нас есть выбор? Разве ты не видишь?

– Я вижу, что ты служишь врагу.

– Ну, а лучший способ побить врага – это стать его другом, разве не так?

– Что ты говоришь?

– Так зачем ты все-таки приехала, Инес?

Инес стало обидно: совсем недавно ее бы приняли в этом доме без вопросов.

– Повидаться с тобой, Эдит.

Эдит стиснула ее руку:

– Пожалуйста, побудь тут, пока не закончится обслуживание. Тогда мы с Эдуаром все тебе объясним.

Инес уселась ждать на потертый синий диван, но вскоре ее веки отяжелели и она не заметила, как задремала. Когда Эдит потрясла ее за плечо, шел уже двенадцатый час – ресторану следовало закрыться намного раньше.

Открыв глаза, Инес увидела, что Эдит сидит рядом с ней на диване, а Эдуар – в кресле напротив.

– Инес, – Эдуар хмуро смотрел на нее и не стал дожидаться, пока она полностью придет в себя. – Вас кто-то послал?

– Меня? Да мне собственный муж бутылок в руки не дает – слишком я неловкая и неосторожная. И вообще ненадежная. Он не говорит этого вслух, но я знаю, что он так думает. Так что нет, Эдуар. Никто меня не посылал.

– Тогда почему вы здесь? – Губы Эдуара сжались, а ниточка усов над ними показалась Инес еще тоньше, чем в прошлый раз. Да и в остальном он, пожалуй, выглядел иначе: зализанные назад волосы, бледная кожа, черный костюм делали его почти карикатурой на французского метрдотеля.

– Мне... – Инес взглянула на Эдит, – мне надо было повидать подругу. – Теперь она заметила, что Эдит тоже переменялась: кожа бледнее, чем прежде, волосы короче, ногти обкусаны до мяса. – Но я не ожидала найти у вас полный зал нацистов.

Эдуар и Эдит переглянулись.

– Я должна ей сказать, – тихо проговорила Эдит.

– Я против. – Эдуар опять пристально посмотрел на Инес.

– Что сказать? – спросила Инес, хотя с тем же успехом могла и промолчать.

– Мы можем ей доверять, – сказала Эдит Эдуару. – Я в этом уверена. Она никогда меня не выдаст. Она моя лучшая подруга.

Эдуар нахмурился, смерил Инес еще одним долгим взглядом и повернулся к Эдит.

– Хорошо. – Он поднялся и кивнул Инес. – Я устал за день. Иду спать. – И, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Наступила тишина, и Эдит медленно повернулась к Инес. Женщины долго смотрели друг на друга, и Инес сказала себе, что не заговорит первой.

– Ты слышала о Жаке Бонсержане? – резко спросила Эдит, нарушив молчание.

Инес нахмурилась:

– Он учился с нами в школе в Лилле?

– Нет. – Эдит опустила глаза и взглянула на свои руки. – В ноябре он был с друзьями в Париже, и немецкий офицер, очень пьяный, налетел на них и схватил одну из женщин в их компании, новобрачную, у которой накануне была свадьба. Муж бросился ее защищать, ударил немца, сбил его с ног и убежал. Бонсержан остался и попытался помочь немцу подняться.

– Боже! Ты знаешь этого месье Бонсержана?

– Нет, никогда его не видела. Пожалуйста, не перебивай, слушай дальше. На допросе Бонсержан отрицал, что ударил офицера, а назвать имя друга отказался. Через несколько недель его приговорили к смертной казни.

– Решили погугать?

– Нет. За два дня до Рождества приговор привели в исполнение.

Инес тяжело сглотнула. Зачем Эдит рассказывает ей такие вещи?

– Но... это ужасно.

– Для многих из нас, тех, кто молчал и старался не вмешиваться, это стало поворотным моментом. – Эдит встретилась взглядом с Инес. – Инес, я могу тебе доверять?

– Эдит, мы как сестры.

– Знаю. Знаю. – Эдит снова принялась рассматривать свои руки. – Понимаешь, Инес, мы с Эдуаром поняли, что не можем оставаться в стороне и ничего не делать. Дальше стало еще хуже. Ты слышала о немецком офицере, который был убит в парижском метро в прошлом месяце? Немцы не сумели поймать убийцу и в отместку расстреляли трех человек, выбранных наугад.

– Что?

– Как вижу, ты не слушаешь Би-би-си.

– Это запрещено. – На самом деле Инес вообще не следила за новостями, даже за теми, которые распространяли немцы: все это было слишком удручающим. Что еще она пропустила?

Эдит грустно улыбнулась:

– Как говорил маршал Фош, побежденные отступают перед победителями только потому, что пали духом и не верят больше в победу, только потому, что их моральное сопротивление подавлено. Если мы примем то, что делают с нами немцы, Инес, это будет началом конца. Мы должны дать отпор.

– Отпор? Но что мы можем сделать? Власть у немцев. Лучше просто опустить голову и...

– И что? – прервала Эдит. – Позволить им убивать невинных людей?

– Но это единичные случаи.

– Не обманывай себя, это последовательная политика. Как и законы правительства Виши о евреях. Ты понимаешь, что поставлено на карту?

– Конечно. – Но на самом деле Инес растерялась. Что она – или Эдит, или даже Эдуар – может сделать, чтобы остановить войну?

– Тогда тебе должно быть ясно, почему мы не могли оставаться безучастными. – Эдит наклонилась вперед и обеими руками схватила руки Инес. – И если ты кому-то скажешь об этом хоть слово, нас с Эдуаром арестуют и, возможно, даже убьют.

– Хоть слово о чем? Эдит, ты меня пугаешь.

Эдит молчала, пока Инес не посмотрела ей прямо в глаза, после чего заговорила, медленно и четко:

– Подруга, мы сопротивляемся. Мы сражаемся за Францию.

– Но ведь вы, – Инес моргнула, – обслуживаете немцев! Разве это сопротивление?

– Вино развязывает язык. – Эдит отпустила руки Инес и откинулась назад. – А это значит, что немцы иногда разбалтывают секреты. Мы улыбаемся, стараемся им всячески угодить, и всегда – всегда, Инес, – прислушиваемся к тому, что они говорят.

– Но кому вы передаете эти секреты?

Эдит откинулась на спинку кресла и взглянула на Инес:

– Чем меньше подробностей ты будешь знать, тем лучше.

Инес почувствовала укол разочарования: подруга, как и Мишель, доверяла ей лишь отчасти. Эдит поднялась и зевнула:

– Я устала за день, Инес. Уверена, что и ты тоже. Пошли спать? В твоей старой спальне все как раньше. Увидимся утром.

– Но...

– Тогда и поговорим. – И Эдит вышла.

Той ночью Инес долго не могла заснуть. Она лежала в кровати, где спала до того, как она вышла замуж за Мишеля, и глядела в потолок, ощущая себя одинокой как никогда. Приехала поделиться с Эдит сомнениями насчет себя и Мишеля и спросить у нее совета, а подруга оказалась вовлеченной в дела, гораздо более важные и опасные, чем Инес могла вообразить. На этом фоне ее личные проблемы выглядели глупыми, ребяческими.

Проваливаясь в беспокойный сон, она спрашивала себя, почему Эдит решила сопротивляться, а ей, Инес, всего лишь хочется жить так же, как до войны. Не совершает ли подруга ошибку? Или ошибается Инес, считая, что не обязана защищать Францию? Но в одном Инес была уверена – что сохранит тайну Эдит. Иначе какая же она подруга?

Глава 10

Сентябрь 1941

Селин

Ранним утром следующего дня Тео и Мишель отправились на виноградник Кло-Ванье в ближней деревне Экей наблюдать за первыми часами сбора урожая. Инес еще была в Реймсе, поэтому их повез старый винодел Анри Бове, ветеран Великой войны, когда-то друживший с отцом Мишеля. Селин тоже хотела ехать, но Тео ее не поддержал, а Мишель стал отговаривать. В последнее время он то и дело повторял, дескать, ей безопаснее оставаться дома. Селин и сама все понимала, но невозможность отлучиться с территории «Мезон-Шово» тяготила ее все больше. Прошел почти год с выхода первого «Статута о евреях» и три месяца с выхода второго, по которому евреям запрещалось заниматься банковским делом, операциями с недвижимостью и многим другим, а местные власти получали право помещать их в лагеря для интернированных за нарушение новых ограничений. Формально Селин по-прежнему считалась христианкой, но все понимали: петля затягивается все туже.

– Здесь от меня никакой пользы, – пыталась возразить Селин.

– Знаю, – мягко ответил Мишель, – но вокруг нас многие сочувствуют немцам, а кое-кто из местных завидует нашему успеху. Пожалуйста, не ездите никуда. Понимаю, я слишком многого прошу, но я хочу вас уберечь.

Тео одобрительно хмыкнул, и мужчины, не дожидаясь ответа, ушли.

Мало того, что Селин не попадала на сбор урожая – уже само по себе наказание, – так еще и эта Инес, стопроцентная католичка, укатила в Реймс к подружке, не думая ни о работе, ни о неудобстве, которое доставила Мишелю и Тео, забрав машину. Селин пыталась ей сочувствовать, но все-таки – как можно быть такой эгоисткой?

Примерно час Селин заставляла себя прибираться по дому, а потом сдалась и направилась к двери, ведущей в подвал. Погреб всегда служили ей утешением.

Она взяла лампу и пошла вниз по лестнице, поеживаясь от подземного холода. Здешняя тишина действовала как целебный бальзам. Под землей Селин могла побыть наедине со своими мыслями, – а сейчас все они были о семье.

Накануне она наконец получила письмо от отца, которое доставил таинственный друг Мишеля, – видимо, он путешествовал по всей зоне немецкой оккупации, доставляя и собирая сообщения, – и с облегчением узнала, что отец и дед с бабкой не арестованы и не депортированы. Однако всем троим пришлось зарегистрироваться как евреям и отцу запретили работать на винодельне, которой он руководил тридцать лет, так что некоторые опасения Селин подтвердились.

«Сейчас опаснее всего, – писал отец, – ситуация с бабушкой и дедушкой, и я очень за них тревожусь. Они родились в Польше, и французское правительство, боюсь, больше не считает их французами. Сейчас они в безопасности, но надолго ли? Я беспокоюсь о нас всех, но знаю, моя дорогая, что о тебе Тео позаботится, и это меня утешает. Настали ужасные времена, молюсь, чтобы тьма скорее рассеялась».

В ответном письме, отправленном с тем же другом Мишеля, Селин, чтобы успокоить отца, рассказывала о жизни в Шампани легко и весело, дескать, тут

все по-прежнему замечательно, поскольку не хотела, чтобы он переживал еще и за нее. Напиши она, что видела развешанные по городу карикатуры на евреев с чудовищными крючковатыми носами, отец бы перепугался. Именно по его совету она перебралась к Тео, а теперь боялась, что будет сожалеть об этом до конца жизни.

Селин спускалась все глубже, и ее шаги отдавались эхом в прохладных меловых пещерах. Вот 1939-й и 1940-й, первые два урожая военных лет. А вот здесь полагалось быть шампанскому блан-де-блан урожая 1936 года, с которым Тео экспериментировал в 1938-м, но его нет – что не было спрятано, давным-давно реквизировано немцами. Хотя Селин знала все запутанные извилистые коридоры как свои пять пальцев, в эти дни она иногда чувствовала себя так, как будто заблудилась, – до такой степени пустота изменила облик погребов.

– Bonjour! – Со стороны лестницы, гулко отдаваясь в коридорах, донесся незнакомый мужской голос с выраженным немецким акцентом. Селин обмерла. – Эй, кто там внизу?

Кровь застыла у Селин в жилах. Она быстро погасила лампу, ее сердце бешено колотилось.

– Меня не проведешь. – Эхо низкого голоса разнеслось по погребам. – Твоя лампа только что погасла, и я точно знаю, где ты. – Голос звучал вкрадчиво, с придыханием, а тон был развязным.

Мысли Селин заметались. Погребов тянутся на многие километры, уходя все глубже в землю под Виль-Домманжем, но попробуй она скрыться, ее неизбежно выдаст звук шагов, да и свет лампы, которую придется снова зажечь, чтобы найти дорогу. Теперь, когда немец знает, что она здесь, от него не спрятаться. Но что ему нужно?

– Даю тебе шестьдесят секунд. Выходи! Или буду стрелять.

– Пожалуйста, не надо, погодите! – крикнула в ответ Селин, и подлое эхо усилило нотки страха в ее голосе. Она была в ловушке: – Я иду. Я ничего плохого не делала.

Чтобы не сделаться слишком легкой мишенью, зажигать лампу Селин не стала. Торопливыми шагами она пошла в сторону лестницы и, дважды споткнувшись по дороге, поднялась по ступенькам на яркое утреннее солнце.

– Так-так, – хмыкнул немец, – это ты, я так и думал. – Теперь, когда они оказались лицом к лицу, Селин его тоже узнала. Это был тот самый офицер, который командовал ограблением Виль-Домманжа в июне 1940-го: широкоплечий, с усиками карандашом и темными глазами-бусинами. Но на лицо она взглянула лишь мельком, поскольку не могла оторвать глаз от пистолета в его правой руке. Ствол пистолета был направлен прямо в сердце Селин; до сих пор никто еще не целился в нее в упор.

– Не хочешь мне что-нибудь сказать? – Немец явно издевался. – Я думал, французы вежливые. Разве у вас не принято говорить при встрече «добрый день» даже незнакомому человеку? Ну, а мы-то знакомы, верно? Мы старые друзья.

– Д-добрый день, – выдавила Селин, не отрывая глаз от пистолета.

– Селин, если не ошибаюсь? Или правильнее называть тебя мадам Лоран?

– Да, – еле слышно пролепетала она в ответ. – То есть да, я мадам Лоран.

– До чего же ты нервная, как я посмотрю!

– Вы... вы же наставили на меня пистолет.

Немец вдруг расхохотался, но не весело, а угрожающе. Но пистолет все же опустил, хотя в кобуру не убрал.

– Итак. – Смех оборвался так же внезапно. – Чем ты тут занималась? Когда женщина в одиночку спускается в погреба, это уже подозрительно, а ты еще и погасила свет, как только услышала мой голос. Почему? Что ты задумала? Ты что-то прячешь?

– Нет, ничего. – Селин сложила руки в умоляющем жесте. – Клянусь, я просто... Вы меня перепугали.

- Извинений мне не надо. Мне надо знать, что ты делала там, внизу.

- Просто... просто побыть в одиночестве.

- В одиночестве?

- Да.

- Да, господин гауптман, - поправил ее офицер, - обращай ко мне как положено.

- Да, господин гауптман, - быстро произнесла Селин.

- Теперь объясни, что это значит. Какое отношение имеют погреба к одиночеству?

Селин должна была сказать правду.

- Я тоскую в разлуке с родными. А мой отец, сколько я себя помню, работал на винодельне в Бургундии. Он делает - делал - вино, и когда я чувствую себя особенно одинокой...

- С какой целью ты здесь? - перебил немец, и Селин сообразила, что бормочет себе под нос.

- В погребах я чувствую себя ближе к отцу. Они напоминают мне дом, который я, может быть, больше не увижу.

Немец принялся рассматривать Селин, и глаза его потемнели. Наконец он убрал пистолет в кобуру, и Селин облегченно расправила плечи.

- Спускаться в одиночестве в погреба - подозрительное действие, особенно для женщины. Нам известно, что там ведется подрывная деятельность против фюрера. Совсем недавно, на прошлой неделе, мы раскрыли в Аи подпольную типографию. Человек печатал у себя в винном погребе листовки. Знаешь, что с ним стало?

Селин покачала головой, боясь, что угадала.

Офицер широко улыбнулся, оскалив острые, словно звериные, зубы, и, глядя Селин прямо в глаза, наставил на нее, как пистолет, большой и указательный пальцы правой руки.

- Мы расстреляли его, мадам. И если я когда-нибудь застану тебя одну в погребках...

- Поняла. Господин гауптман.

Офицер не шелохнулся и не отвел тяжелого взгляда.

- Ты, - его губы презрительно искривились, - упомянула об отце. Он у тебя еврей, верно?

Внутри у Селин все перевернулось, и пришлось собрать все свое самообладание, чтобы держаться спокойно.

- Да. - Отрицать не было смысла, немец наверняка все уже знал. Селин слышала, что германская комендатура ведет учет очень аккуратно.

- Ни за что бы не догадался, в тот раз. А сейчас вижу. А ты очень хорошенькая для еврейки.

Селин почувствовала, как вспыхнули щеки, не то от страха, не то от смущения. Она промолчала, а офицер прищурился:

- Я только что сделал тебе комплимент. В ответ ты должна меня поблагодарить.

Селин сглотнула:

- Благодарю.

- Прекрасно. Теперь вот еще что. Вряд ли мы были представлены друг другу как полагается. А ведь тебе, мадам Лоран, следовало бы знать мое имя. Особенно

если нам предстоит стать друзьями.

- Друзьями?

Офицер вновь хохотнул – все тем же рассчитанным, лишенным веселья смехом.

- Мне кажется, в нынешние времена тебе пригодится такой друг, как я. Ты должна считать за честь для себя, что я вообще думаю насчет дружбы с еврейкой. – Последнее слово он точно выплюнул.

Селин не знала, что на это сказать, и просто кивнула.

- Итак, я Рихтер. Гауптман Рихтер, на вашем недоязыке – капитан Рихтер. А теперь, – тут немец снова прищурился, – скажи мне, что тебе очень приятно со мной познакомиться.

- П-п-приятно познакомиться с вами, гауптман Рихтер.

- Хорошо, хорошо. Ты учишься. – Он придвинулся ближе, так что Селин ощущала теплоту его дыхания. – Так вот, мадам Лоран, я убежден, что никогда не застигну тебя за чем-либо неподобающим, поскольку мне противна мысль о том, что ты попадешь в трудовой лагерь. Условия там не лучшие. Поняла?

- Да, господин гауптман.

- Отлично. – Рихтер протянул левую руку и потрогал пальцем завиток волос над ее правым плечом. Селин застыла на месте: прикосновение было отталкивающим, пугающим. – Я послежу за тобой, мадам Лоран. – Он посмотрел ей прямо в глаза: – Селин. – И, не отводя взгляда, положил руку на ее правую грудь, прикрытую лишь тонким слоем ситца. Селин задержала дыхание, чтобы ее не вырвало, а немец лениво провел пальцем вокруг ее соска и улыбнулся: – Да, обязательно послежу.

Он сел в свой сверкающий черный автомобиль и уехал, а Селин еще долго стояла закоченев, точно ударенная морозом виноградная лоза.

Рассказывать Тео о встрече с Рихтером Селин не спешила: не хотелось ко всему прочему еще и попреков мужа, что сама виновата, ведь женщина, разгуливая в одиночку по погребам, неизбежно вызывает подозрения. Мишель с Тео вернулись с виноградника на редкость довольные, и Селин лишь кивала, когда они, перебивая друг друга, рассказывали о небывалом сборе первого дня. Может быть, думалось ей, раз мать-природа наконец улыбнулась виноделам, война тоже приутихнет, откатится, как волна, и унесет Рихтера с его солдатами куда-нибудь на восток.

– Дела меняются к лучшему, Селин, совершенно точно, – говорил Тео, улыбаясь жене. – Правда, Мишель? Нас ждут хорошие времена, ты ведь тоже так считаешь?

– Дай бог, – ответил Мишель и посмотрел на небо. – Надеюсь, в этом году мы сможем подняться на ноги.

Сразу после мужчин вернулась Инес, в облаке пыли и вонючего дыма от эрзац-бензина, на котором теперь ездил ситроен Мишеля.

– Здравствуйте, – произнесла она с виноватым видом, обращаясь ко всем сразу и никому не глядя в глаза. – Простите, что припозднилась. Как сегодняшний сбор?

– Где ты была? – тихо и холодно спросил Мишель.

– Я оставила записку. Разве ты ее не прочел?

Вместо ответа Мишель взял ее за локоть и повел в дом. Дверь за ними захлопнулась.

– Интересно, что она ему объяснит, – пробормотал Тео.

Из дома доносился разговор на повышенных тонах, в отрывистых репликах Инес звучала обида.

Селин молча покачала головой.

- Что-то ты притихла сегодня, - сказал Тео по дороге к флигелю и потянулся взять ее за руку. Селин инстинктивно отпрянула - о чем тотчас пожалела. Она все еще чувствовала себя грязной после прикосновений Рихтера.

- Сердишься, что мы не взяли тебя на виноградник, - предположил Тео. - Но, Селин, ты же знаешь, что это делается ради твоей безопасности.

- Думаешь, здесь я была в большей безопасности?

- А разве нет? - Тео пристально посмотрел на жену, потом повернулся, чтобы отпереть дверь. Он вошел первым, Селин последовала за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Из выступления в парламенте Канады. Оттава, 11 июля 1944 г.

2

Ладно (фр.).

3

Ублюдка (фр.).

4

Отлично (фр.).

5

Дерьмо (фр.).

6

Понятно? (нем.)

7

Вот именно (фр.).

8

Не за что (фр.).

9

Спокойной ночи (фр.).

10

Поторапливайся! (фр.)

11

О, простите, это, должно быть, не тот номер (фр.).

12

Погодите! Вы ищете мою бабушку? (фр.)

13

Да (фр.).

14

Действительно? (фр.)

15

Добрый вечер! (нем.)

Купить: https://tellnovel.com/harmel-_kristin/zhena-vinodela

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)